

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 10 / 2017

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор,
Блажеев В.В., кандидат юридических наук, профессор,
Бублик В.А., доктор юридических наук, профессор,
Голиченков А.К., доктор юридических наук, профессор,
Перевалов В.Д., доктор юридических наук, профессор,
Калиниченко И.А., кандидат педагогических наук,
Капустин А.Я., доктор юридических наук, профессор,
Кропачев Н.М., доктор юридических наук, профессор,
Курилов В.И., доктор юридических наук, профессор,
Суровов С.Б., доктор социологических наук, профессор,
Шевелева Н.А., доктор юридических наук, профессор,
Шишко И.В., доктор юридических наук, профессор

Главный редактор журнала:

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Свистунов А.А., кандидат юридических наук, доцент,
Субботин В.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Лопатин В.А., кандидат юридических наук, доцент,
Цареградская Ю.К., доктор юридических наук, доцент

Ответственный секретарь журнала:

Шенгелиа Г.А.

Главный редактор ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

ИГ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СТАТЬЯ НОМЕРА

Захарова М.В. Национальный интерес
и (или) холодный расчет: к вопросу о конкуренции
правовых систем мира 3

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Элькинбард Л.М. «КУМИТЭ» как методическая
основа проведения практических занятий
по историко-правовым дисциплинам 8

ДИСКУССИОННАЯ АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ТРИБУНА

Головненков П.В. Некоторые аспекты защиты личных
свобод женщин в уголовном праве Германии 12
Попов Д.В. Личная неприкосновенность
как объект совершаемых посредством насилия
преступлений против семьи и несовершеннолетних 21

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ТЕОРИИ ПРАВА

Буринов А.М., Буринова Л.Д.
Предпосылки гражданского общества:
причины незрелости 28

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Антипов А.Н. Совершенствуя законодательство
России 32
Степанов П.П. Международные субъекты
противодействия военным преступлениям 36

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рыбаков О.Ю. Правовое значение принципов
развития информационного общества в России 42

Памятка авторам журнала

«Юридическое образование и наука»
по оформлению научных статей 48

Плата с авторов за публикацию статей
не взимается.

Центр редакционной подписки:

Тел./факс: (495) 617-18-88

Адрес редакции / издателя:

115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7.
Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8.
Печать офсетная.
Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0.
Общий тираж 2000 экз.

Полная или частичная перепечатка
материалов без письменного разрешения
редакции преследуется по закону.
Подписка по России:
Каталог «Роспечать» – инд. 47641,
а также через www.gazety.ru
ISSN 1813–1190
Подписано в печать 19.09.2017.
Номер вышел в свет 12.10.2017.

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

№ 10 / 2017

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE STATE PRESS COMMITTEE. Registration PI № ФС77-29362 23.08.2007

The magazine is published in cooperation with Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Founder: Publishing Group "JURIST"

Editorial Board:

Baranov V.M., doctor of juridical sciences, professor,
Blazhev V.V., candidate of juridical sciences, professor,
Bublik V.A., doctor of juridical sciences, professor,
Golichenkov A.K., doctor of juridical sciences, professor,
Perevalov V.D., doctor of juridical sciences, professor,
Kalinichenko I.A., candidate of pedagogical sciences,
Kapustin A.Ya., doctor of juridical sciences, professor,
Kropachev N.M., doctor of juridical sciences, professor,
Kurilov V.I., doctor of juridical sciences, professor,
Surovov S.B., doctor of sociological sciences, professor,
Sheveleva N.A., doctor of juridical sciences, professor,
Shishko I.V., doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief of the Journal:

Matskevich I.M., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief:

Svistunov A.A., candidate of juridical sciences,
assistant professor,
Subbotin V.N., candidate of pedagogical sciences,
assistant professor,
Lopatin V.A., candidate of juridical sciences,
assistant professor,
Tsaregradskaya Yu.K., doctor of juridical sciences,
assistant professor

Executive Editor of the Journal: Shengelya G.A.

Editor in Chief of Publishing Group "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "JURIST":

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

**Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation for publication of results
of doctoral and candidate theses.**

ARTICLE OF THE ISSUE

Zakharova M.V. National Interest and (or) Cold Calculation:
on Competition between World Legal Systems 3

ISSUES OF ACADEMIC AND TEACHING STAFF TRAINING

Elkinbard L.M. "KUMITE" as Methodological Fundamental
of Conducting Practical Classes in Historical
and Legal Disciplines 8

DISCUSSION ANTI-CRIME TRIBUNE

Golovnenkov P.V. Some Aspects of Protection of Women's
Personal Freedoms in German Criminal Law 12
Popov D.V. Personal Inviolability as Object of Violent Crimes
Committed against Family and Juveniles 21

DISCUSSION TRIBUNE OF THEORY OF LAW

Burinov A.M., Burinova L.D. Civil Society Prerequisites:
Reasons of Immaturity 28

DISCUSSION TRIBUNE OF INTERNATIONAL LAW

Antipov A.N. Improving Russian Legislation 32
Stepanov P.P. International Subjects
of Countering Military Crimes 36

DISCUSSION TRIBUNE OF LEGAL RESEARCH

Rybakov O.Ju. Legal Value of The Principles
of Information Society Development in Russia 42

**Memo to the authors
of the "Legal Education and Science"
journal on scientific article formatting** 47

Authors shall not pay for publication
of their articles.

Editorial Subscription Centre:

Tel./fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
Tel./fax: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya,
Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 60x90/8. Offset printing.

Printer's sheet 6,0.

Conventional printing sheet 6,0.

Circulation 2000 copies.

Complete or partial reproduction
of materials without written permission
of the editorial office shall be prosecuted
in accordance with law.
Subscription in Russia:
Rospechat' – 47641, www.gazety.ru
ISSN 1813-1190
Signed for printing 19.09.2017.
Issue was published 12.10.2017.

DOI: 10.18572/1813-1190-2017-10-3-7

Национальный интерес и (или) холодный расчет: к вопросу о конкуренции правовых систем мира*

Захарова М.В.**

Цель. Представить теоретико-компаративный анализ конкуренции правовых систем мира, дав при этом авторскую понятийную и видовую оценку данному явлению.

Методология. Формулирование доктринальных подходов к означенным в статье проблемам будет осуществлено через сравнительный анализ, проводимый в рамках междисциплинарного (сопоставление юридической доктрины со смежными областями знания, такими как социология, экономика и др.), межотраслевого (сравнительный анализ подходов, используемых в общей теории права), трансграничного (сравнение различных национальных правовых систем друг с другом), а также хронологического (исторический сравнительный анализ) подходов.

Принимая во внимание особенности предмета, успешное выполнение целей исследования требует использования и специальных юридических методов познания, в числе которых можно выделить особо структурно-юридический метод. Также в ходе проведения исследования планируется обращение и к синергетическому научному поиску.

Выводы. Эволюция социальных отношений с необходимостью диктует трансформации и внутри правовых систем мира, к которым относят, в частности, конвергенцию и конкуренцию правовых систем мира. Конкуренция правовых систем мира представляет собой столкновение (соперничество) между правовыми системами мира и их элементами, между которыми субъект правоприменения делает свой свободный выбор. В современных условиях конкуренция правовых систем приводит к распространению института юридического туризма. В определенной мере трудовую миграцию также можно отнести к одной из многочисленных форм юридического туризма.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование дает углубленное и целостное представление о сути конкуренции правовых систем мира. Выводы, содержащиеся в статье, имеют практическую значимость для развития сравнительного права, отраслевого права, а также общетеоретических юридических дисциплин.

Ключевые слова: конкуренция, трансформация, право, правовая система, юридический туризм.

National Interest and (or) Cold Calculation: on Competition between World Legal Systems***

Zakharova M. V. ****

Purpose. To present a theoretical and comparative analysis of the competition of legal systems of the world, while giving author's conceptual and species assessment to this phenomenon.

Methodology. The formulation of doctrinal approaches to the problems mentioned in the article will be carried out through a comparative analysis carried out within the framework of an interdisciplinary (comparison of legal doctrine with related fields of knowledge, such as sociology, economics, etc.), cross-sectoral (comparative analysis of approaches used in general law theory) cross-border (comparison of different national legal systems with each other), as well as chronological (historical comparative analysis) approaches.

Taking into account the peculiarities of the subject, the successful accomplishment of the research objectives requires the use of special legal methods of cognition, among which one can distinguish a particularly structural legal method. Also, during the research, it is planned to apply to a synergistic scientific search.

Conclusions. The evolution of social relations with the need dictates transformations within the legal systems of the world, which include, in particular, the convergence and competition of the legal systems of the world. The competition of the legal systems of the world is a clash (rivalry) between the legal systems of the world and their elements, between which the subject of law enforcement makes his free choice. In modern conditions, the competition of legal systems leads to the spread of the institution of legal tourism. To some extent, labor migration can also be attributed to one of the many forms of legal tourism.

Scientific and practical significance. The conducted research gives an in-depth and holistic view of the essence of competition in the legal systems of the world. The conclusions contained in the article have practical significance for the development of comparative law, branch law, as well as general theoretical legal disciplines.

Key words: competition, transformation, law, legal system, legal tourism.

Право было и остается сложной головоломкой для живущих на нашей планете людей. Его эволюция — по-
следовательная и прерывающаяся, закономерная и случайная череда трансформаций, генераций и опы-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00628

** ЗАХАРОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, avis_777@mail.ru

***The publication has been prepared in context of the scientific project No. 15-03-00628 supported by the Russian Foundation for the Humanities

**** ZAKHAROVA MARIA V., Assistant Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences

тов. Так, XIX век ознаменовал собой переход европейского права на новый веток развития. Он стал социальной платформой для становления матричных континентально-европейских правовых систем Франции и Германии. Партикуляризм средневековой Европы уносил с собой локальные различия для населения единых европейских государств, возвышая на правовой олимп помпезное: «Национальный дух права». Это было благодатное время для развития протекционистских юридических учений и течений, коей и стала историческая школа права. Именно ее апологеты (Г. Гуго, К. Савиньи, Ф. Пухта) рассматривали прав, как выражение «народного духа» («*Volksgeist*»), отмечая что: «С самого начала истории право, подобно языку, нравам и учреждениям, имеет определенный характер, свойственный данному народу. Все эти проявления народной жизни в действительности неразрывно связаны между собой и только представляются нам обособленными. Их связью служит общее убеждение народа и одинаковое чувство внутренней необходимости, исключаящее всякую мысль о случайном и произвольном происхождении. Подобно возникновению, и дальнейшее развитие права стоит в органической связи с сущностью и характером народа: им управляет тот же закон внутренней необходимости»¹.

Юристы начала — середины XX века значительно расширили для себя границы актуального права, чему способствовали как процессы интернационализации права, так и его конвергенции. В первом случае интеграционный пласт права прочно заявил о себе в остане правовых систем мира, во втором — национально-государственное право было типологизировано в гомогенные правовые сообщества² и отчасти приобрело общие для них свойства и черты. Причем гомогенность эта была выстроена как в векторе идеологическом, так и в векторе сугубо юридическом. Как мы помним, более 70 лет истории нашей страны прошли под марши разделительных барьеров «право социалистическое — право буржуазное», тогда как юридический критерий выделения предполагал классическую дихотомию континентально-европейского и англосаксонского права; в особой группе правовых систем находились страны, признающие в качестве

основного источника права религиозные тексты и правовой обычай.

В современных условиях правовые системы мира вынуждены функционировать в сложных условиях правовой глобализации. Как мы уже отмечали ранее (в прошлых научных публикациях), правовая глобализация вызвала к жизни ряд серьезных трансформаций правовых систем мира. В частности:

— изменение под влиянием различного рода интеграционных процессов классических институтов государственной организации общества: институтов «гражданства», «территории», «государственного суверенитета»;

— транспарентность границ современного государства, ослабевание его роли, а порой полное или частичное вымывание его компетенций в тех или иных сферах общественной жизни приводит, в свою очередь, к эффектам регионализации и права, и государства;

— возрастание эффектов «дополнения» и «замещения» национального права со стороны внешних регуляторов общественных отношений;

— сращивание глобализаций различных качественных направленностей и, как следствие, появление уникальных в своей основе институтов: «*Lex electronica*»; «*Lex sportiva*» (принципы спортивного права, выработанные наднациональными и международными организациями, представляющие собой так называемое «мягкое» право по разрешению спортивных споров);

— возрастание роли и значения внегосударственных правотворческих институтов³.

Не менее важна оценка и другой тенденции в развитии правовых систем мира — их конкуренции⁴, то есть столкновение (соперничество) между правовыми системами мира и их элементами, между которыми субъект правоприменения делает свой свободный выбор.

Классическими парадигмами — дилеммами, между которыми субъект правоприменения делает свой выбор при конкуренции правовых систем, являются:

1. «Common Law» — «*Droit civil*».

2. «Твердое право» — «мягкое право».

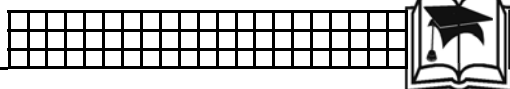
3. Светская правовая традиция и религиозная правовая традиция.

¹ Цит. по: Новгородцев П., Муромцев С., Кареев Н. и др. Немечкая историческая школа права. Челябинск : Социум, 2010.

² См. подробно по данному вопросу: Захарова М.В. Правовые сообщества современности: опыты и ошибки типового строительства // Юридическое образование и наука. 2016. № 1. С. 16–19.

³ См. подробно по данному вопросу: Захарова М.В. Влияние глобализации на юридическую карту мира // *Lex russica*. 2011. № 3. С. 417–444.

⁴ Термин конкуренция правовых систем мира пока не получил должной научной оценки. В европейской юридической литературе пока только на уровне научных коллоквиумов проходит осмысление означенной выше проблемы. См. подробно по данному вопросу: J. du Gaudusson, F. Ferrand (dir.) *La concurrence des systé juridique*. PUAM, 2008.

1. Достаточно показательно выглядит конкуренция первого типа в разрезе эволюции кочующих правовых систем в штате Луизиана в США и в Квебеке. В данной связи интересно заметить, что в отличие от многих стран французской зоны юридического влияния и экспансии, которые воспринимали нормы так называемого развитого права, сложившегося в рамках централизованной французской правовой системы начала XIX века, Квебек прежде всего воспринял партикулярное обычное право Франции. Речь идет о Кутюмах Парижа. В равной мере на территории современного Квебека применялись и королевские ордонансы. Даже при разработке собственного гражданского кодекса в 1866 году, когда более чем полувековой юбилей отметил Кодекс Наполеона, юристы Квебека ориентировались и на так называемое *Common Law*, сформировавшееся под влиянием Кутюмов Парижа, и на сам Французский гражданский кодекс (речь шла о рецепции, в частности, норм семейного права)⁵.

Что касается штата Луизиана в США, то мы можем констатировать неуклонную тенденцию к понижению роли и значения «*Droit civil*» в эволюции частного права в этом регионе. Так, специалисты оценивают, что 85 процентов Гражданского кодекса Луизианы 1808 года было основано на французских источниках (нормативных текстах и доктринальных материалах)⁶. Речь идет и о самом Кодексе Наполеона и о источниках, ему предшествовавших: работы Domat, Pothier, ордонансе 1667 года и Кутюмах Парижа. Подобный выбор объясняется прежде всего невозможностью порвать в одночасье выстраиваемые в течение многих лет политико-правовые связи с метрополией в сочетании с качеством и степенью разработанности самих французских правовых норм на момент создания Гражданского кодекса Луизианы. Уже в следующем Гражданском кодексе Луизианы 1825 года количество французских источников права существенно уменьшается⁷. Что остается неизменным для гражданского права с 1825 года вплоть до реформы 1975–2002 годов — это признание закона в качестве основного источника права в противовес общей англосаксонской правовой традиции права с лидирующей ролью суда в качестве источника правовых предписаний.

⁵ См.: Mignault P.-B. *Le code civil au Canada /Le code civil 1804–1904 Livre du Centenaire*. Paris, 1904. P. 728.

⁶ См.: Batiza R. *The Loisiana Civil Code of 1808: Its Actual Sources and Present Relevance* // 46 *Tulane Law Review* 4, 1971. P. 10.

⁷ См.: Palmer V. V. *Concernant le 200 anniversaire du code napoleon: son importance historique et contemporaine sur la codification du droit en Louisiane / Le code civil 18004–2004 livre du Bicentenaire*. Paris, 2004.

2. «Мягкое право» стало предметом научной оценки относительно недавно — в середине XX века. И в юридической науке не сложилось пока единого мнения о понятии «мягкого права». Одни ученые полагают, что «мягкое право» охватывает только «необязательные правила или документы, которые интерпретируют или сообщают окружающим представление их создателей о юридически обязательных нормах либо представляют собой обещания, создающие ожидания о будущем поведении лица»⁸. Другие — что термин «мягкое право», как правило, «относится к любому международному документу, отличному от международного договора, который содержит принципы, нормы, стандарты и другие положения относительно ожидаемого поведения»⁹. Вместе с тем следует признать, что «мягкое право» уже открыто шествует по юридической карте мира и в отдельных областях правового регулирования (например, в области спортивного права) составляет серьезную конкуренцию классическим максимум «твердого права».

3. Конкуренция последнего из названных типов — между традициями светского и религиозного порядка прослеживается сегодня не только в клерикальных и теократических государствах, но и в светских европейских государствах. В числе специфических тенденций исламского права мы, в частности, можем констатировать его распространение за пределы границ государств происламской религиозной направленности и, как следствие, столкновение его со светскими правовыми системами. Подобная практика стала возможной прежде всего по причине внутрисоциального, а не внутригосударственного характера действия самого исламского права. Исламское право для мусульманина актуально там, где есть мусульманская община — умма, вне зависимости от того, гражданином какого государства он является. Важной тенденцией в развитии исламской группы правовых систем следует также считать и повышение их общего уровня мозаичности. При этом исламский юридический мир открывает возможность рецепции иностранных правовых норм в сфере частного права, руководствуясь прежде всего прагматическими мотивами, но остается весьма консервативен в отношении сохранения традиционных инструментариев для защиты публичного порядка. В ближайшем будущем, в частности, не следу-

⁸ Guzman A. T., Meyer T. L. *International Soft Law* // *Journal of Legal Analysis*. 2010. Vol. 2. P. 174.

⁹ Shelton D. L. *Normative Hierarchy in International Law* // *American Journal of International Law*. 2006. Vol. 100. № 2. P. 319.

ет ожидать отказа от уголовных норм Шариата, тогда как полная или частичная трансплантация европейских гражданских и торговых кодексов для исламских правовых систем становится распространенной практикой.

Конкуренция правовых систем приводит к распространению среди субъектов права так называемого *юридического туризма*. В данном случае в поиске наиболее выгодного для себя правопорядка и (или) юрисдикции такой субъект совершает путешествие из зоны национальной правовой системы в зарубежную правовую систему. Так, например, поступают супруги, желающие совершить процедуру суррогатного материнства, если в их собственной стране данная процедура не получила легализации. Нередко, правда, отсутствие синхронизации в правовых институтах различных правовых систем приводит к судебным спорам. Так, Европейский суд по правам человека рассматривал дело относительно Французской Республики по вопросам легализации статуса детей, родившихся в результате процедуры суррогатного материнства. Согласно судебным материалам заявителями по обоим делам выступили две супружеские пары французской национальности и их дети американского происхождения, проживающие во Франции. В связи с бесплодностью женщин из обеих пар супруги заключили в США соглашения с неназванными женщинами о суррогатном материнстве. Суды в штате Калифорния по первому делу и в штате Миннесота по второму признали обе пары родителями детей, родившихся от суррогатных матерей. Заявители обратились к французским властям за внесением американских свидетельств о рождении в соответствующий реестр и получили отказ, так как во Франции соглашение о суррогатном материнстве незаконно. Заявители обратились в ЕСПЧ с двумя жалобами, ссылаясь на ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской конвенции по правам человека. Кроме того, заявители по первому делу жаловались на нарушение ст. 6 (право на справедливое разбирательство), ст. 12 (право на брак) и 14 (запрет дискриминации) Конвенции. ЕСПЧ, рассмотрев жалобы, обнаружил частичное нарушение ст. 8 Конвенции по обоим делам в связи с правом детей на уважение их частной жизни. Суд обязал Францию по первому делу выплатить 5 тысяч евро компенсации морального вреда каждому ребенку и по 15 тысяч евро общих издержек всем заявителям. Кроме того, ЕСПЧ присудил по второму делу 5 тысяч евро компенсации морально-

го вреда ребенку и 4 тысячи евро издержек всем заявителям¹⁰.

В определенной мере можно считать, что и трудовая миграция, является одной из многочисленных форм юридического туризма. Как отмечает Е.С. Герасимова, в Российской Федерации в данном отношении хотя ч. 1 ст. 13 Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» провозглашает, что иностранные граждане пользуются правом свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, процедура их доступа к труду, установленная, по существу, еще в 1993 году и сохраняющаяся до настоящего времени, носит разрешительный характер¹¹.

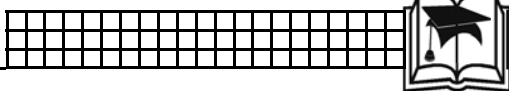
В будущем, представляется, развитие конкуренции и конвергенции правовых систем мира может привести к созданию юридического эсперанто, или «горизонтального форума судей», на котором «заговорят» судьи различных стран мира.

Таким образом, следует отметить, что конец XX — начало XXI века дали в значительной мере новые основания для интернационализации правового феномена, не последнюю роль в которой сыграла конкуренция правовых систем мира. Протекционистские правовые конструкции и социальные течения в своем радикальном виде¹² в сложившихся условиях выходят из эмпирики юридического сообщества, уступая место рациона-

¹⁰ См.: Российское агентство по правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/international_news/20140626/271603529.html (дата обращения: 14.08.2017).

¹¹ См.: Герасимова Е. С. Иностранцы работники в России // Защита трудовых прав работников в России и Финляндии. М.: [б.и.], 2013. Гл. 5. С. 109–133.

¹² В данном отношении следует отметить, что даже К. Савиньи в финале своих рассуждений о национальном характере права приходит к следующим умозаключениям: «Если вследствие изменений нравов, воззрений и потребностей является необходимость в реформе существующего права или возникает потребность в совершенно новых институтах, то в этом случае влияние законодательства может быть чрезвычайно полезным и даже неизбежным» (цит по: Новгородцев П., Муромцев С., Кареев Н. и др. Немечкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010). То есть даже для апологета исторической школы права очевидно, что эволюция правового феномена требует изменения облика национального правопорядка. Для XIX века таким трансформационным потенциалом по большей части обладала только законодательная машина. На сегодняшний день и внешне по отношению к правовой системе правовое воздействие международного, зарубежного и (или) трансграничного порядка способно выполнить задачи, о которых писал К. Савиньи.

лизму юридического благоприятствования для конкретного субъекта права или их групп.

В будущем, представляется, разновекторные влияния внешнего характера на национальное право и право-

вые системы мира будут и дальше сопутствовать развитию правовой карты мира. В данном отношении научный анализ процессов конкуренции права будет служить цели раскрытия прогностических функций юриспруденции.

Литература

1. Герасимова Е.С. Иностранцы работники в России / Е.С. Герасимова // Защита трудовых прав работников в России и Финляндии. М. : [б.и.], 2013. Гл. 5. С. 109–133.
2. Захарова М.В. Влияние глобализации на юридическую карту мира / М.В. Захарова // Lex russica. 2011. № 3. С. 417–444.
3. Захарова М.В. Правовые сообщества современности: опыты и ошибки типового строительства / М.В. Захарова // Юридическое образование и наука. 2016. № 1. С. 16–19.
4. Новгородцев П. Немецкая историческая школа права / П. Новгородцев, С. Муромцев, Н. Кареев [и др.]. Челябинск : Социум, 2010. 528 с.
5. Batiza R. The Louisiana Civil Code of 1808: Its Actual Sources and Present Relevance // 46 Tulane Law Review 4, 1971. P. 4–66.
6. du Gaudusson J., Ferrand F. (dir.) La concurrence des syst me juridique. PUAM, 2008. 162 p.
7. Guzman A.T., Meyer T. L. International Soft Law // Journal of Legal Analysis. 2010. Vol. 2. P. 171–225.
8. Mignault P.-B. Le code civil au Canada / Le code civil 1804–1904 Livre du Centenaire. Paris, 1904. 1128 p.
9. Palmer V.V. Concernan le 200 anniversaire du code napoleon: son importance historique et contemporaine sur la codification du droit en Louisiane / Le code civil 18004–2004 livre du Bicentenaire. Paris, 2004. 718 p.
10. Shelton D. L. Normative Hierarchy in International Law // American Journal of International Law. 2006. Vol. 100. № 2. P. 291–323.

DOI: 10.18572/1813-1190-2017-10-8-11

«КУМИТЭ» как методическая основа проведения практических занятий по историко-правовым дисциплинам

Элькинбард Л.М.*

Цель. Рассмотреть методы, используемые при обучении студентов-юристов дисциплинам историко-правового цикла.

Методология. Диалектика, анализ, синтез, дедукция, методы активного обучения.

Выводы: 1. Эффективность самостоятельной практической работы юриста основывается на понимании диалектики причинно-следственных связей. 2. Практике использования методов диалектики будущих юристов можно и нужно обучать.

Научная и практическая значимость. В статье обобщен 25-летний опыт подготовки студентов вузов и курсантов вуза МВД к ведению интеллектуального публичного противостояния в условиях жесткой, прессинговой внешней среды. Разработанная методика дает позитивный практический результат.

Ключевые слова: юридическое образование, историко-правовые дисциплины, практические занятия, профайлинг, ката и кумитэ в юридическом образовании.

“KUMITE” as Methodological Fundamental of Conducting Practical Classes in Historical and Legal Disciplines

Elkinbard L.M.**

Purpose. Consider the methods used in teaching students disciplines historical-legal cycle. **Methodology.** Dialectic, analysis, synthesis, deduction, active learning methods.

Conclusions. 1. The effectiveness of independent practical work as a lawyer, is based on the understanding of the dialectic of cause-effect relationships. 2. Practice of using methods of dialectic future lawyers can and should be taught.

Scientific and practical importance. The article summarizes 25-year experience in training students and cadets of the University administered by the MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS public intellectual confrontation in the face of stiff, pressingovoj external Wednesday. The developed technique gives a positive practical results.

Key words: legal education, legal history disciplines, practical training, profiling, kata and kumite in legal education.

Сегодня крайне остро стоит вопрос качества российского высшего образования в целом и юридическое в частности. Приученные в школе к «забыванию» будущие юристы, приступая к изучению цикла историко-правовых дисциплин, опираются именно на эти свои школьные навыки. Существует 2 подхода к обучению дисциплинам этого цикла. Первый, существенно чаще встречающийся, — связан с акцентированием внимания обучающихся на знании ответов на вопросы: кто? что? когда? и каким образом? в тот или иной исторический период в той или иной стране произошло. Чаще всего именно такой, достаточно формалистический подход лежит в основе методики преподавания данных дисциплин преподавателями-юристами. При таком подходе первокурсники без особых проблем «осваивают» историко-правовые дисциплины. Ведь все «как в школе»: заучил информацию, пересказал и получил свою положительную оценку. Но ведь с таким схоласти-

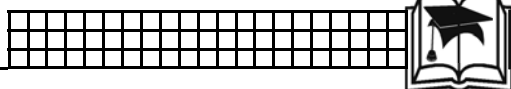
ческим подходом европейцы начали активно бороться еще в начале XVI века.

В СССР при получении высшего образования труды классиков марксизма-ленинизма были обязательны не только для прочтения, но и для конспектирования. Все конспектировали, старательно соблюдая формальную сторону этих правил игры. Очень убедительное свидетельство качества такого освоения материала содержится в истории, произошедшей с известным советским разведчиком Конаном Молодым.

В августе 1965 года в сочинском кинотеатре «Хроника» была объявлена закрытая лекция о международном положении, на которую пригласили исключительно чекистов из разных городов, отдыхавших в ведомственном санатории КГБ имени Дзержинского. Несколько пригласительных билетов направили и секретарям Сочинского горкома КПСС, которые пришли с женами и расположились в первом ряду. Только после этого со-

* ЭЛЬКИНБАРД ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ, доцент Волжского государственного университета водного транспорта, кандидат исторических наук, lm51.e@yandex.ru

** ELKINBARD LEONID M., Assistant Professor of the Volga State University of Water Transport, Candidate of Historical Sciences

общили, что выступит легендарный советский разведчик Конон Молодой, который работал в Лондоне под именем Гордона Лонсдейла, был арестован и лишь недавно вернулся на Родину.

В нашей стране обо всей этой истории еще никто практически не знал. Советский разведчик-нелегал под прикрытием документов канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла обосновался в Великобритании, где основал фирму «Лонсдейл», которая стала заниматься производством игральных автоматов и секретных замков для сейфов. Фирма процветала, получая миллионные прибыли. На международной выставке в Брюсселе Гордон Лонсдейл получил большую золотую медаль «За лучший экспонат». Королева Великобритании за особые успехи в бизнесе пожаловала его аристократическим титулом сэра Англии.

7 января 1961 года Гордон Лонсдейл был арестован. Его работа по раскрытию секретов военно-морского центра в Портленде принесла нашей стране выгоду в 15 миллиардов долларов. Разведчика осудили на 25 лет тюрьмы. Через три года Гордона Лонсдейла обменяли на британского разведчика, задержанного в Москве.

И вот Конон Молодой в Сочи рассказал о некоторых деталях своей работы и стал отвечать на вопросы.

— Скажите, а как вам при Вашей основной работе удалось так прибыльно вести бизнес? Раскройте секрет!

— Не поверите, начинал дела с изучения «Капитала» Карла Маркса. Очень полезная книга для начинающих капиталистов. Применял советы классика по получению прибавочной прибыли, и дела шли совсем неплохо. Кстати, никогда не экономил на оплате труда рабочих, они и работали всегда на отлично. Вот меня недавно на один московский завод пригласили, так я ужаснулся: какой же там кавардак! Прогулы, пьянство прямо в цехах. Нельзя же так! Рабочим сказал: всех бездельников я выгнал бы в первый же день, зато остальным сразу бы вдвое повысил зарплату. Так они аплодировать начали.

Тут с первого ряда поднялся сочинский партийный секретарь.

— Товарищ Молодой, — побагровел он. — Вы, конечно, герой, но забываться все-таки не надо! Что это вы пропагандируете мелкобуржуазные взгляды!

— Почему же мелкобуржуазные? — улыбнулся разведчик. — Еще совсем недавно я был настоящим миллионером, имел шикарный коттедж в Лондоне, восемь автомобилей, снимал номера в самых дорогих отелях и снабжал деньгами все свои разведгруппы. Так что взгляды у меня не мелко, а очень даже крупнобуржуазные...

Зал, состоявший из чекистов, грохнул от хохота!

Легендарный советский разведчик Конон Молодой умер в 1970 году. Еще через год на экраны страны вышел фильм «Мертвый сезон». В его основу была положена история Конона Молодого¹.

Результатом такого «детального» изучения трудов классиков марксизма-ленинизма в немалой степени стал крах советской власти и распад СССР. Думается, что более веских доказательств неэффективности изучения историко-правовых дисциплин на широко распространенной схоластической методической основе можно не приводить.

Другой подход заключается в стремлении обучить студентов применению при рассмотрении историко-правовых явлений основных законов и категорий диалектики: закона единства и борьбы противоположностей, закона перехода количества в качество, поиску ответов на вопросы: почему? и зачем?, т.е. выявлению и пониманию причинно-следственных связей в ходе исторического развития общества и права. Другими словами, обучение азам анализа историко-правовых документов и явлений. Такой подход лежит в основе методики, используемой преподавателями-историками (по крайней мере, некоторыми из них).

Из историко-правовых дисциплин первого семестра первого курса наибольшего эффекта в обучении азам выявления причинно-следственных связей, т.е. анализа документов в силу своего рода «простоты» и особой «яркости» источников можно добиться при проведении семинаров по истории государства и права зарубежных стран. Уже на первом же «рабочем» семинаре, в рамках темы «Древний Египет» проводится анализ содержания документа «О служебных обязанностях везира»². В основе анализа лежит поиск ответа на вопрос почему? Так, в разделе документа, описывающего порядок служебного приема у верховного сановника, записано, что если вельможа, пришедший первым на прием и сидящий в окружении 9 своих коллег вокруг верховного сановника, скажет: «Рядом со мной нет никого, кого следовало бы выслушать», то он будет схвачен доверенными верховного сановника. Чем объяснить такие несколько неадекватные на первый взгляд действия сотрудников верховного сановника (т.е. почему произойдет такое действие)? При внимательном

¹ См.: Степанов Ю., Сизов И. Не «мертвый сезон» Молодого // Парламентская газета. 15.10.2004. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2004/parlgaz20041015.htm> (дата обращения: 18.05.17).

² См.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. / отв. ред. д-р юрид. наук Н.А. Крашенинникова. Т. 1 : Древний мир и Средние века. М. : Норма, 2004. С. 1–7.

изучении текста анализируемого документа студенты могут выявить причину такого поведения. В разделе «Служебные обязанности верховного сановника» зафиксировано, что именно везир «будет назначать исполняющих должности сановников Верхнего и Нижнего Египта, южной части Верхнего Египта и Тинитской области. Они будут докладывать ему обо всем случившемся у них каждые четыре месяца». Поэтому публично высказанное сомнение одного из назначенных в уровне профессионализма везира в сфере подбора и расстановки кадров карается столь жестко. Документы двух томов хрестоматии по ИГПЗС, которые в течение учебного года тщательно исследуются студентами в ходе детальных поисков ответов на вопросы преподавателя почему? и зачем? позволяют им в первом приближении освоить логику аналитической работы, с одной стороны, а с другой — достаточно глубоко усвоить содержание изучаемых документов.

В таком виде японского боевого искусства, как карате, существует понятие «ката». Изначально ката — это технические комплексы приемов, разработанные для боя с несколькими противниками (своего рода «бой с теньями»). Ката считается важнейшим элементом подготовки учеников к бою с реальными противниками. Таким образом, используя терминологию карате, в первом семестре происходит обучение студентов «аналитическому ката», т.е. азам техники анализа документов. А ведь именно аналитическая работа и является одним из основных видов работы юриста.

Во втором семестре на базе приобретенных навыков «аналитического ката» можно перейти к методике приобретения студентами реальных навыков практического использования полученных теоретических знаний, причем в жестко «прессинговых» условиях. Эти реальные навыки достаточно эффективно приобретаются при проведении «интеллектуального кумитэ».

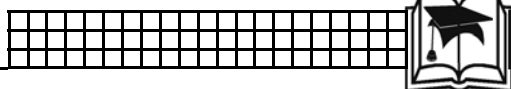
Кумитэ — это спарринг в японских боевых искусствах. Самое главное, что развивает кумитэ, — тренирует реакцию, ловкость, помогает достигать максимально эффективной техники ведения боя, совершенствует восприятие, привыкание к ударам, помогает развить психологическую стабильность в повседневной жизни. Это в области боевых искусств. Практика показала, что столь же эффективно и «интеллектуальное кумитэ».

Итак, второй семестр — историко-правовые дисциплины (ИГПЗС, ИОГП, римское право). Семинарское (практическое) занятие. В зависимости от интеллектуального уровня студентов и подготовленности группы к доске вызывается от 1 до 4 человек. Это «консультанты». Они могут сидеть за столом перед группой или стоять. Следу-

ет иметь в виду, что один против учебной группы — это весьма психологически «жесткий» вариант. Кроме того, вызываются 2 «эксперта», занимающих места за первыми столами справа и слева от консультантов. Эксперты сидят за столами по одному с тетрадами для записи. У остальных студентов группы учебники и тетради закрыты. Группа должна задавать консультантам любые вопросы по теме, вынесенной на семинарское занятие. Вопросы к консультантам не персонифицируются, т.е. отвечает тот из них, кто готов предложить свою версию ответа. Начинается своего рода интеллектуальный «пинг-понг». При этом чем выше скорость вопроса — ответа, тем эффективнее занятие. На возможных неточностях или ошибках в ответах можно не останавливаться. Они фиксируются на бумаге «экспертами». Все вопросы должны начинаться с вопросительных слов: почему?, зачем?, каким образом?. Все ошибки и неточности в ответах «консультантов» должны стать поводами для соответствующих вопросов к ним. Если вдруг оказывается, что группа не готова либо по каким-то причинам не желает задавать вопросы, то всегда можно изменить правила игры и предложить задавать вопросы «консультантам» с персональным указанием, кому из студентов группы они адресуют вопрос. Так как «консультанты» в любом случае получают оценку, у них нет возможности отмалчиваться. В ходе ответа «консультантов» на вопросы необходимо обучить их параллельно с ответом контролировать и аудиторию. Для них требование контроля аудитории на первых занятиях является самым сложным. Но после 2–3 таких занятий они вполне справляются с такой задачей. Одновременно аудитория также имеет возможность тренироваться в оценке поведения «консультантов». По сути, речь идет о практическом обучении учебной группы азам профайлинга.

Как известно, профайлинг (англ. *Profile* – профиль) – это понятие, обозначающее совокупность психологических методов и методик оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков, характеристик внешности, невербального и вербального поведения.

Другое значение понятия «профайлинг» служит для обозначения технологии наблюдения и опроса пассажиров в ходе предполетного досмотра с целью выявления потенциально опасных лиц при авиаперелетах. В израильских аэропортах юноши и девушки — контролеры безопасности, внимательно глядящие прямо в глаза проверяемого, задают ему ряд, казалось бы, малозначительных вопросов — у кого и где вы были в Израиле, где делали покупки, цель вашего приезда и т.п.

От их внимательного взгляда не ускользнет мельчайшая реакция на вопросы, поведение и вазомоторные реакции. В случае возникших подозрений пассажира могут отправить на детальную проверку багажа и подробный допрос. При этом у пассажиров, не вызвавших подозрений, практически не проверяют багаж, и они спокойно проходят к стойке проверки ручной клади.

В общем, по работе контролеров безопасности можно сделать такой вывод — они не столько проверяют чемоданы пассажиров, сколько стараются оценить личностные характеристики проверяемых — их интересуется не содержимое карманов и сумок пассажиров, а то, что сидит в головах проверяемых³.

Для студентов-юристов эти практические основы профайлинга являются как бы побочным результатом изучения историко-правовых дисциплин. Тем более что часть студентов планирует в дальнейшем пойти работать в силовые структуры РФ. Как свидетельствует опыт, студенты ВГУВТ (по их рассказам), обучавшиеся по этой методике, с успехом переигрывают конкурентов при устройстве на работу. Одно такое собеседование, с руководителем компании длившееся 1,5 часа в условиях жесткого психологического давления, закончилось приемом нашей выпускницы на работу в крупную и известную российскую компанию. При этом первые 7 кандидатов, проходивших собеседование, задерживались в кабинете руководителя не более 5–7 минут. Позднее, при встрече с автором выпускница не только поблагодарила за трениговую форму занятий, но и настойчиво рекомендовала проводить тренинг в значительно более жесткой форме, «как в жизни».

Оценки «консультантам» предлагают «эксперты». Они должны провести анализ работы каждого «консультанта», опираясь на свои записи, указать на неполную, неточную либо ошибочную информацию и предложить свою версию правильного ответа. Опираясь на такой анализ, проведенный каждым экспертом самостоятельно (при этом результаты такой аналитической работы зачастую бывают несовпадающими в зависимости от уровня знаний самих экспертов), каждый из них предлагает свою мотивированную оценку работы каждого «консультанта» по 5-балльной системе. Оценки далеко не всег-

да единодушны. Окончательную оценку работе каждого «консультанта» и «эксперта» дает преподаватель. При этом завышение оценки «консультанту», данной «экспертом», пресекается преподавателем путем снижения им оценки «эксперту», а занижение оценки «экспертом» пресекается реакцией группы. Преподаватель может предложить дать самооценку своей работе каждому «консультанту». Чаще всего студенты оценивают себя достаточно объективно и при этом весьма строго.

Особый интерес представляет эффект осознания «консультантом» своих «домашних» ошибок в ходе самоподготовки. Практически всегда студент, впервые выступающий в роли «консультанта», оказывается не в состоянии отвечать на вопрос своих однокурсников почему? При этом «консультанты» все и всегда честно признаются, что вопросы им задавали простые, а не ответили они на них потому, что неправильно готовились к занятию: пытались заучить как в школе текст учебника, лекции, документа, т.е. ответить на вопрос что? А на занятии, для того чтобы ответить на вопросы однокурсников, нужно понимать, почему произошло то или иное событие, т.е. понимать причинно-следственные связи. Данная методика была разработана автором в уже далеких сегодня 1988–1989 годах для подготовки слушателей Горьковской высшей школы милиции МВД СССР к несиловым действиям в «митинговых условиях» того периода. Позднее она неоднократно уточнялась и корректировалась в соответствии с изменением контингента обучающихся (студенты гражданских вузов), предметов (политология, римское право, история государства и права зарубежных стран, история отечественного государства и права). За эти годы методика продемонстрировала свою эффективность.

Существенную роль при использовании данной методики играют личные качественные характеристики обучающихся. При мотивированном контингенте обучающихся возможно проведение «кумитэ» в варианте «два консультанта против целого курса». Использование этого варианта при проведении экзамена (зачета) по римскому праву показало отличный результат. Студент, блестяще выстоявший против своего весьма сильного курса (7 красных дипломов), через два с половиной года после окончания с отличием ВГАВТ успешно защитил кандидатскую диссертацию, достаточно быстро стал доцентом, заведующим кафедрой, завершает докторскую диссертацию.

³ См.: Война против террора — израильский опыт. URL: <http://shaon.livejournal.com/186762.html> (дата обращения: 18.05.2017).

Литература

1. Война против террора — израильский опыт. URL: <http://shaon.livejournal.com/186762.html> (дата обращения: 18.05.2017).
2. Степанов Ю. Не «мертвый сезон» Молодого / Ю. Степанов, И. Сизов // Парламентская газета. 15.10.2004. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2004/parlgaz20041015.htm> (дата обращения: 18.05.2017).
3. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. / отв. ред. д-р юрид. наук Н.А.Крашенинникова. Т. 1 : Древний мир и Средние века. М. : Норма, 2004. С. 1–7.

DOI: 10.18572/1813-1190-2017-10-12-20

Некоторые аспекты защиты личных свобод женщин в уголовном праве Германии

Головненков П.В.*

Цель. Исследование состояния действующего уголовного законодательства Германии в области защиты личных свобод женщин и необходимости реформирования соответствующих норм. Особое внимание уделено составам преступного деяния, в которых характерным предметом уголовно-правовой защиты являются личные права женщин. В данной связи исследуются доктринальные и практические проблемы в соответствующих составах, а также подвергаются критическому анализу запланированные и проведенные реформы. **Методология.** Системный анализ уголовного законодательства Германии *de lege lata* и *de lege ferenda*, синтез, индукция, научный анализ законодательных упущений в реформированных нормах. **Выводы.** Немецкое уголовное право располагает рядом весьма действенных правовых инструментов, обеспечивающих надежную защиту личных свобод. При этом учитываются особенности, которые касаются также и в первую очередь женщин. Задачей уголовно-правовой науки, правоприменительной практики и законодателя является обратить внимание на описанные доктринальные проблемы в реформированных составах и найти пути их решения. **Научная и практическая значимость.** Автором подробно исследуются недостатки в реформированных и вновь созданных составах преступного деяния в области защиты личных свобод женщин. Подробно обозначены доктринальные проблемы и законодательные упущения в соответствующих составах, а также указаны возможные пути их устранения и надлежащего толкования особо проблемных терминов. С практической точки зрения устранение указанных недостатков должно послужить облегчению надлежащего применения соответствующих норм уголовного права.

Ключевые слова: личные свободы женщин, свобода формирования и изъясления воли личности, сексуальное самоопределение, требование определенности уголовно-правовых норм, принуждение к бракосочетанию, неправомерное перемещение человека для принуждения его к браку, неправомерное преследование (сталкинг), сексуальное понуждение.

Some Aspects of Protection of Women's Personal Freedoms in German Criminal Law

Golovnenkov P.V.**

Purpose. The article is dedicated to the current status of the German criminal legislation concerning protection of women's personal freedom and the need for reform. An emphasis shall be put on criminal law provisions typically protecting women's personal rights. In this connection, dogmatic and implementation problems are examined, and a critical analysis of the reform plans is conducted. **Methodology.** A systematic analysis of the legislation *de lege lata* and *de lege ferenda*, synthesis, induction, dogmatic analysis of the reformed norms. **Results.** The German criminal law contains a number of legal instruments guaranteeing protection of personal freedom. Particular attention is paid to special aspects concerning women. The criminal law theory, courts and the legislator have to analyse and to solve the addressed dogmatic problems of the reformed criminal law provisions. **Scientific and practical significance.** The article addresses dogmatic problems of the amended and new criminal law problems in the respective area and contains recommendations on interpretation and solution. From the point of view of practice, the problem analysis should facilitate the implementation of legal norms.

Key words: Protection of personal freedoms of women, Personal freedom of formation and expression of will, sexual self-determination, definiteness of criminal rules, forced marriage, abduction for forced marriage, Stalking, sexual abuse.

I. Введение

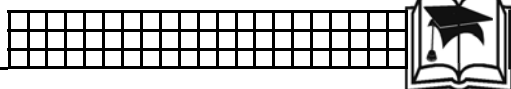
Уголовно-правовая защита прав женщин прочно закреплена в уголовном законодательстве Федеративной Республики Германия. Такие криминогенные проявления, как неправомерное преследование (так называемый „Stalking“), принуждение к бракосочетанию или «сексуальные домогательства и притеснения», попавшие в центр внимания общественности после печально известных событий новогодней ночи 2016 года в г. Кёльне, касаются, как правило, лиц женского

пола¹ и требуют не только глубокого общественно-политического анализа, но и продуманного, действенно-

¹ По данным криминальной статистики Федерального ведомства криминальной полиции ФРГ (PKS Bundeskriminalamt 2015, PKS-Straftatenkatalog — Opfer), касающейся криминогенной ситуации в Германии, в 2015 году было зарегистрировано 52 случая принуждения к бракосочетанию, из которых 47 деяний были направлены против лиц женского пола. Неправомерному преследованию подверглась в этот же период времени 16 941 женщина (из 21 070 зарегистрированных эпизодов). 90% всех зарегистрированных преступных деяний сексуального характера (сексуальное принуждение, изнасилование) были направлены против лиц женского пола.

* ГОЛОВНЕНКОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ, доктор права, ассессор права, адвокат (город Берлин, Германия), golovnenkov@googlemail.com

** GOLOVNIENKOV PAVEL V., Doctor of Law, Assessor, Attorney (Berlin, Germany), golovnenkov@googlemail.com

го уголовно-правового механизма, направленного на противодействие этим явлениям. За последние годы в немецком уголовном законодательстве был закреплен ряд особых составов преступного деяния, призванных защищать в данном контексте личную свободу и право на свободное развитие личности. Кроме того, в Германии за обширной общественно- и уголовно-политической дискуссией последовало существенное ужесточение уголовного законодательства, направленного на защиту от преступных посягательств на сексуальное самоопределение человека.

Справедливости ради следует отметить, что многие криминогенные проявления в данной области и раньше подлежали уголовному преследованию по общему составу принуждения в контексте положений § 240 Уголовного уложения ФРГ² (например, принуждение к бракосочетанию или определенные сексуальные посягательства как особо тяжкие случаи принуждения³). Кроме того, для пресечения соответствующих деяний в данном контексте применению подлежали (в зависимости от конкретных обстоятельств дела) общие составы нанесения телесных повреждений, лишения свободы, оскорбления, а также сексуального понуждения. Однако с внесением в немецкое уголовное законодательство особых (самостоятельных) составов принуждения к бракосочетанию и неправомерного преследования обществу была продемонстрирована доминирующая в уголовно-правовой политике Германии тенденция, ориентированная на абсолютное неприятие противоправных посягательств на конституционные права (также и в первую очередь) женщин⁴. Как уже было отмечено выше, возобновление общественно-политической дискуссии в отношении ужесточения уголовного законодательства, направленного на защиту от посягательств на сексуальное самоопределение человека, вплоть до закрепления в соответствующей области уголовного законодательства принципа «нет — значит нет», было предрешено недавними негативными событиями в общественной жизни Германии.

II. Преступные деяния против свободы формирования и изъявления воли личности

1 июля 2011 года в Германии вступил в силу Закон о борьбе с принуждением к бракосочетанию и об укре-

² Далее: УУ ФРГ. См. также Головенков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М., 2012.

³ BT-Drs. 17/4401. S. 9.

⁴ Подробно о принудительном бракосочетании см: Bülte/Becker, ZfS 2012, 61 ff.

плении защиты потерпевших от принудительного бракосочетания, а также о внесении изменений в прочие нормативные акты, касающиеся законодательного регулирования пребывания иностранных граждан на территории ФРГ и предоставления им политического убежища⁵. Ориентируясь на общие составы принуждения (§ 240 УУ ФРГ), торговли людьми (§ 232 след. УУ ФРГ) и неправомерного перемещения человека (§ 234а УУ ФРГ), в немецкое уголовное законодательство была внесена норма, предусматривающая новое регулирование уголовной ответственности за принуждение к бракосочетанию (§ 237 УУ ФРГ). Тем самым немецкий законодатель последовал рекомендациям ООН о необходимости подачи четкого сигнала о нетерпимости подобного вида «современного рабства».⁶ Защищенным правовым благом в диспозиции § 237 УУ ФРГ является «свобода бракосочетания»⁷ как важное проявление и составная часть комплексного конституционного права личности на самоопределение (ст. 2, абз. 1, Основного закона ФРГ)⁸. С учетом правоприменительной практики Федерального Конституционного суда ФРГ под свободой бракосочетания понимается не только фундаментальная охрана брака и семьи, гарантированная ст. 6 (абз. 1) Основного закона ФРГ⁹, но и конкретно право каждого на заключение брака как такового (свободный доступ к правовому институту бракосочетания) с партнером по собственному свободному выбору (свобода выбора супруга/супруги)¹⁰. Это правовое благо, гарантированное Конституцией ФРГ, ст. 12 Европейской конвенции по правам человека¹¹ и ст. 16 Всеобщей декларации прав человека¹², безусловно, нарушается принуждением человека к заключению брака и требует уголовно-правовой защиты, которую обеспечивает § 237 УУ ФРГ¹³.

За «принуждение к бракосочетанию» § 237 (абз. 1) УУ ФРГ устанавливает уголовную ответственность и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до пяти лет. В ходе выше-названной реформы уголовная ответственность за принудительное бракосочетание была перенесена из по-

⁵ См.: BGBl. 2011 I S. 1266.

⁶ Подробно с дальнейшими ссылками: BT-Drs. 17/1213. S. 8.

⁷ BT-Drs. 17/4401, S. 1, 8; Eisele/Majer, NSfZ 2011, 546, 547; Schumann, JuS 2011, 789, 790.

⁸ См.: Fischer⁶³, § 237 Rn. 3 mwN.

⁹ См.: BVerfGE 31, 58, 67; 76, 1, 42; 105, 313, 342.

¹⁰ См.: Bülte/Becker, ZfS 2012, 61.

¹¹ См.: BGBl. 2002 II S. 1054, 1055.

¹² См.: A/RES/217, UN-Doc. 217A-(III).

¹³ См.: Bülte/Becker, ZfS 2012, 61 mwN.; Fischer⁶³, § 237 Rn. 3 mwN.

ложения об особо тяжких случаях принуждения (§ 240, абз. 4, предл. 2, № 1 УУ ФРГ в редакции, действовавшей до 01.07.2011) в особый (самостоятельный) состав преступного деяния, диспозиция которого предусматривает «насилие» или «угрозу причинения ощутимого вреда» в качестве средства принуждения и «вступление в брак» в качестве отнесенного к составу последствия принуждения. Особая предосудительность деяния и вместе с тем основание для ужесточения наказания по сравнению с общим составом принуждения заключается в повышенном уровне неприемлемости принудительного бракосочетания, которое по сути означает принуждение человека ко вступлению в нежеланные длительные правовые и личные отношения с другим лицом¹⁴. Ограничивающим сферу применения состава характером обладает оговорка о предосудительности¹⁵, закрепленная в § 237 (абз. 1, предл. 2) УУ ФРГ и устанавливающая, что принудительное бракосочетание (т.е. деяние в контексте § 237, абз. 1, предл. 1 УУ ФРГ) является противоправным только в том случае, если специально установлена предосудительность соотношения средств и цели принуждения (так называемое *Zweck-Mittel-Relation*)¹⁶. Подобное регулирование призвано предотвратить криминализацию социально-адекватных семейных конфликтов¹⁷.

Нововведением вышеназванной реформы немецкого уголовного законодательства является положение § 237 (абз. 2) УУ ФРГ, криминализирующее «неправомерное перемещение человека для принуждения его к браку» и устанавливающее уголовную ответственность (с теми же рамками уголовного наказания, как и в случае самого принуждения к бракосочетанию в § 237, абз. 1 УУ ФРГ) за действия, предшествующие принудительному бракосочетанию (подготовительные действия принуждения к бракосочетанию). В соответствии с данной нормой неправомерное перемещение человека для принуждения его к браку совершает тот, кто с целью принуждения к бракосочетанию насильно, угрожая причинением ощутимого вреда или обманным путем, перемещает другого человека за границу, побуждает его туда податься или препятствует его возвра-

щению. Основание для криминализации названных в законе подготовительных действий (т.е. особая предосудительность деяния) заключается в том, что пострадавший еще на этой (ранней) стадии преступного деяния именно посредством этих действий лишается фактической и правовой внутригосударственной защиты с целью обеспечить его последующее принуждение к бракосочетанию¹⁸.

Не умаляя важности предмета регулирования § 237 УУ ФРГ, следует все же обратить внимание и на некоторые догматические и практические проблемы, связанные с данными составами преступного деяния. Особо проблематичной представляется относительно узкая сфера применения данной нормы, что, с одной стороны, связано с сегодняшним представлением о толковании понятия «брак»¹⁹ и, с другой стороны, — с крайне выборочным восприятием предмета регулирования в целом и ограничением общего видения проблемы «миграционным кругом задействованных лиц»²⁰. Кроме того, особенно учитывая специфику защищенного правового блага, непоследовательным представляется нераспространение сферы действия § 237 УУ ФРГ на такие деяния как, например, принуждение к отказу от заключения брака или принуждение к разводу, которые и после реформы могут квалифицироваться «лишь» как принуждение по общему составу § 240 УУ ФРГ²¹.

Следующим криминологическим феноменом, который зачастую проявляется в личной сфере семейной жизни и часто касается именно женщин, является так называемый «сталкинг» („*Stalking*“)²². Под этим термином следует понимать систематические преследование, навязчивое внимание, домогательство, запуги-

¹⁴ См.: BT-Drs. 17/4401, S. 12

¹⁵ Такая оговорка содержится также в положениях § 240 (абз. 2) УУ ФРГ. См.: BT-Drs. 17/4401. S. 12.

¹⁶ Об оговорке о предосудительности подробно: Головневков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия — *Strafgesetzbuch (StGB)*. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М., 2012. Ком. № 3 к § 240. С. 203.

¹⁷ См.: BT-Drs. 17/4401. S. 12.

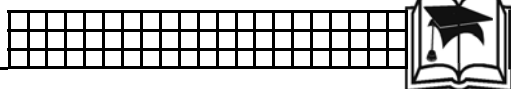
¹⁸ См.: BT-Drs. 17/4401. S. 12; Bülte/Becker, ZIS 2012, 61, 62.

¹⁹ Защищенным является лишь брак в правовом смысле, т.е. брак, заключенный и вступивший в силу в соответствии с § 1310 след. Гражданского уложения ФРГ (даже если он впоследствии может быть признан недействительным), а также иностранный брак, признанный действенным в Германии или соответствующий *ordre public*. В отличие от этого не подпадают под защиту § 237 УУ ФРГ гражданские браки и партнерства, а также чисто религиозные или иные внеправовые формы бракосочетания. Подробно и с критическими замечаниями в данной связи см.: Bülte/Becker, ZIS 2012, 61 ff. mwN.

²⁰ Критические замечания в данной связи: Fischer⁶³, § 237 Rn. 3 f.; Kubik/Zimmermann, JR 2013, 192, 194.

²¹ Критические замечания в данной связи см. также: Fischer⁶³, § 237 Rn. 3.

²² По данным криминальной статистики Федерального ведомства криминальной полиции ФРГ в 2015 г. было зарегистрировано 19 704 случая неправомерного преследования. По сравнению с предыдущим годом это обозначает снижение зарегистрированных деяний на 9,9% (PKS 2015, Bundesministerium des Innern, Mai 2016, S. 7). В отношении терминологии подробно: Eisele, in: Schönke/Schröder²⁹, § 238 Rn. 1.

гивание или угрозы, которые недозволенно²³ направлены против другого лица и могут негативно влиять на качество его жизни. Так, известны случаи, в которых определенное лицо (как правило, бывшие супруг или супруга, лицо из круга поклонников, коллег, знакомых, завистников и пр.) подвергает потерпевшего психическому террору и тем самым грубейшим образом нарушает сферу его личной жизни. Это проявляется в том, что вследствие постоянного нахождения под массивным психическим давлением потерпевший начинает как можно реже покидать свою квартиру, вынужден менять привычки, место работы или жительства и т.д.²⁴ Несмотря на то, что некоторые из проявлений неправомерного преследования посредством оказания психического давления на человека (при определенных условиях) наказуемы в соответствии с общими составами, направленными на защиту телесной неприкосновенности и свободы личности (например, принуждение в § 240 УУ ФРГ, угроза в § 241 УУ ФРГ или нанесение телесных повреждений по §§ 223 след. УУ ФРГ), и в соответствии с положениями § 4 Закона о гражданско-правовой защите от насильственных деяний и (неправомерных) преследований²⁵, правоприменительная практика показывает, что для действенной борьбы с нарушением личных прав человека, заключающимся в длительном недозволенном преследовании, которое может совершаться самыми разнообразными способами, а также для противодействия опасному потенциалу, скрывающемуся в подобных поведенческих схемах, необходимо создание отдельного состава, максимально охватывающего весь спектр преступных деяний в данной области²⁶.

31 марта 2007 года вступил в действие Сороковой закон о реформе уголовного законодательства ФРГ²⁷, которым в Уголовное уложение был введен состав неправомерного преследования (§ 238 УУ ФРГ). Защищенным правовым благом в данном составе является

свобода формирования воли и действий личности в отношении собственного жизнеустройства²⁸. Более того, положения § 238 (абз. 2 и 3) УУ ФРГ защищают физическую неприкосновенность и жизнь потерпевшего от неправомерного преследования²⁹.

В соответствии с § 238 (абз. 1) УУ ФРГ наказанию в виде лишения свободы на срок до трех лет или денежного штрафа подлежит тот, кто недозволенно³⁰ преследует другое лицо тем, что систематически³¹:

- 1) ищет пространственной близости этого лица;
- 2) пытается установить с ним контакт, используя телекоммуникационные средства, иные средства коммуникации или через третьих лиц;
- 3) злоупотребляет личными данными потерпевшего:
 - а) заказывает для него товары или услуги или
 - б) привлекает третьих лиц к установлению с ним контакта;
- 4) угрожает ему причинением вреда для жизни, телесной неприкосновенности, здоровья или свободы его самого, его родственника или иного близкого ему лица;
- 5) действует иным сравнимым образом.

В изначальной редакции, действовавшей до 10.03.2017 года, диспозиция состава § 238 (абз. 1) УУ ФРГ предусматривала наступление преступного последствия — значительного ухудшения качества жизни потерпевшего. Таким образом, наступление уголовной ответственности за неправомерное преследование решительным образом зависело от (внешне воспринимаемой) реакции потерпевшего на нарушение его правовых благ³². Иными словами, если потерпевший не поддавался оказываемому на него давлению и не позволил изменить к худшему условия своей жизни, наказуемость за неправомерное преследование по § 238 УУ ФРГ не наступала, а в силу отсутствия законодательно предписанной уголовной ответственности за покушение на совершение уголовного проступка неправомерного преследования в контексте § 238 (абз. 1, 2)

²³ Имеются в виду действия против воли потерпевшего или при отсутствии соответствующих полномочий. Подробно: Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М., 2012. Ком. № 4 к § 238. С. 201.

²⁴ См.: BT-Drs. 16/1030, S. 1.

²⁵ См.: Gesetz zum zivilrechtlichen Schutz vor Gewalttaten und Nachstellungen (Gewaltschutzgesetz — GewSchG) от 11.12.2001, BGBl. 2001 I S. 3513.

²⁶ См.: BT-Drs. 16/575, S. 1; 16/1030. S. 1.

²⁷ См.: Закон об уголовной ответственности за систематические (неправомерные) преследования [Gesetz zur Strafbarkeit beharrlicher Nachstellungen (40. StrÄndG)] от 22.03.2007, BGBl. 2007 I S. 354.

²⁸ См.: BT-Drs. 15/5410 S. 6; 16/1030 S. 6; Eisele, in: Schönke/Schröder²⁹, § 238 Rn. 4 mwN.

²⁹ См.: Vgl. BT-Drs. 15/5410 S. 6, 16/1030 S. 6.

³⁰ Подробно о толковании: Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М., 2012. Ком. № 4 к § 238. С. 201.

³¹ О толковании термина «систематически» подробно: Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М., 2012. Ком. № 5 к § 238. С. 201.

³² См.: BT-Drs. 18/9946, S. 10 f.; 18/10654. S. 1.

УУ ФРГ³³ — по данному составу полностью исключалась³⁴. Субъективное восприятие stalking потерпевшим (например, страх, депрессия, стресс и т.д.) во внимание не принимались³⁵. Разумеется, такая ситуация коренным образом противоречила цели и смыслу состава неправомерного преследования и не способствовала эффективной защите правовых благ, нарушаемых инкриминированными в § 238 (абз. 1) УУ ФРГ деяниями³⁶. Поэтому Законом об улучшении защиты от (неправомерных) преследований (*NachstSVG*) от 01.03.2017 года³⁷ структура состава § 238 (абз. 1) УУ ФРГ была существенно изменена. Вместо материальной структуры состава § 238 (абз. 1) УУ ФРГ, предусматривавшей наступление преступного последствия в виде значительного ухудшения качества жизни потерпевшего, была сформулирована формальная конструкция с особыми требованиями пригодности инкриминированного деяния для достижения определенного преступного последствия³⁸. В новой (ныне действующей) редакции § 238 (абз. 1) УУ ФРГ уголовной ответственности подлежит тот, кто, систематически совершая указанные выше действия, недозволенно преследует другое лицо способом, пригодным для значительного ухудшения качества его жизни. Таким образом, уголовная ответственность по § 238 (абз. 1) УУ ФРГ наступает уже тогда, когда поведение преступника оказывает на потерпевшего психическое давление, потенциально способное принудить его к изменению своего жизнеустройства. Иными словами, решающим является не столько действительно причиненное значительное ухудшение качества жизни потерпевшего, сколько объективная пригодность деяния для наступления по-

добного преступного последствия³⁹. § 238 (абз. 2) УУ ФРГ содержит квалификационный состав неправомерного преследования и ужесточает наказание, если посредством stalking потерпевший, его родственник или иное близкое ему лицо подвергается смертельной опасности либо опасности причинения тяжкого вреда здоровью. Если следствием stalking становится смерть потерпевшего, деяние квалифицируется по тяжести последствий как неправомерное преследование со смертельным исходом и наказуемо по § 238 (абз. 3) УУ ФРГ.

Еще до вышеназванной реформы высказывались сомнения в конституционности § 238 УУ ФРГ, особенно в отношении возможной неопределенности положений § 238 (абз. 1 № 5) УУ ФРГ («действует иным сравнимым образом»)⁴⁰. Еще в большей степени эти сомнения укрепились в ходе законодательного процесса по реформированию уголовно-правового регулирования неправомерного преследования, поскольку изменение структуры § 238 (абз. 1) УУ ФРГ из материального в формальный состав с особыми требованиями пригодности инкриминированного деяния для достижения преступного последствия при одновременном сохранении открытого перечня инкриминированных деяний, во-первых, противоречит принципу определенности уголовно-правовых норм, а во-вторых, может привести к неоправданному расширению криминализации (возможно) социально-адекватных действий⁴¹. Поэтому в правительственном проекте Закона об улучшении защиты от (неправомерных) преследований от 12.10.2016 года⁴² был предложен закрытый перечень инкриминированных деяний посредством удаления открытой альтернативы, предусмотренной в § 238 (абз. 1 № 5) УУ ФРГ. Однако данная инициатива в итоге не была законодательно закреплена. Парламентский профильный комитет по праву и защите прав потребителей не усмотрел в изменении структуры § 238 (абз. 1) УУ ФРГ с одновременным сохранением открытого перечня инкриминированных деяний противоречий конституционным требованиям и рекомендовал сохранить § 238 (абз. 1 № 5) УУ ФРГ в новой редакции закона с целью противодействия возникновению пробелов наказуемости, связанных с удалением данной альтернативы из Уголовного уложения⁴³.

³³ См. § 23 (абз. 1) в сочетании с § 12 (абз. 2) УУ ФРГ.

³⁴ Вследствие ненаказуемости покушения на совершение основного деликта неправомерного преследования (§ 238 абз. 1 УУ ФРГ) по справедливому преобладающему мнению в немецкой юридической литературе уголовная ответственность не наступала также за покушение на совершение неправомерного преследования со смертельным исходом (§ 238 абз. 3 УУ ФРГ), так называемое *erfolgsqualifizierter Versuch* (см.: Fischer⁶³, § 238 Rn. 27 mwN.; § 22 Rn. 37 mwN., иного мнения Eisele, in: Schönke/Schröder²⁹, § 238 Rn. 38 mwN.). Бесспорно иначе выглядит ситуация при завершенном основном деликте и покушении на причинение тяжкого последствия, так называемое *versuchte Erfolgsqualifizierung*. В этих случаях уголовная ответственность за покушение наступает в соответствии с § 238 (абз. 3), 22, 23 УУ ФРГ, поскольку неправомерное преследование со смертельным исходом как таковое является уголовным преступлением в контексте § 23 (абз. 1) в сочетании с § 12 (абз. 1) УУ ФРГ (см.: Fischer⁶³, § 238 Rn. 27 mwN.; § 22 Rn. 37a mwN.).

³⁵ См.: BT-Drs. 18/9946, S. 13; Fischer⁶³, § 238 Rn. 22 mwN.

³⁶ См.: BT-Drs. 18/9946, S. 10 f., 13.

³⁷ См.: BGBl. 2017 I S. 386.

³⁸ Так называемое *Eignungsdelikat* (см., например, § 126 УУ ФРГ).

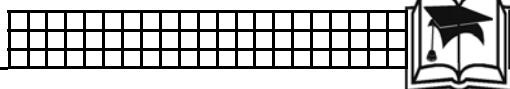
³⁹ См.: BT-Drs. 18/9946, S. 13 f.

⁴⁰ См.: Fischer⁶³, § 238 Rn. 6 mwN.

⁴¹ См.: BT-Drs. 18/9946, S. 14.

⁴² См.: BT-Drs. 18/9946.

⁴³ См.: BT-Drs. 18/10654, S. 1 ff., 5.

Основанием для введения⁴⁴ (и сохранения⁴⁵) открытого перечня инкриминированных деяний в диспозицию неправомерного преследования являлась необходимость по возможности всеобъемлюще охватить разнообразие типичных для сталкинга поведенческих схем и структур, соответствовать дальнейшему техническому развитию и таким образом предотвратить возможное возникновение пробелов наказуемости. Однако насколько такого рода «внутриструктурная» аналогия⁴⁶ удовлетворяет конституционные требования к определенности уголовно-правовых норм (ст. 103 абз. 2 Основного закона ФРГ), представляется в силу отсутствия четких контуров состава по крайней мере сомнительным⁴⁷.

III. Реформа уголовного законодательства в отношении преступных деяний, направленных против права личности на сексуальное самоопределение

Вступление в силу Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция)⁴⁸, предусматривающей в ст. 36 обязанность стран-участниц к обеспечению уголовной ответственности за любые действия сексуального характера, совершенные против воли потерпевшего, привело в Германии к оживленной дискуссии о состоянии уголовного законодательства в отношении преступных деяний, направленных против сексуального самоопределения человека, которая увенчалась глубокой реформой соответствующих норм уголовного права ФРГ.

За понуждение к действиям сексуального характера положения старой редакции § 177 УУ ФРГ предусматривали уголовное наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года, а за изнасилование — не менее двух лет. Защищенным правовым благом являлось право на сексуальное самоопределение человека, т.е. свобода человека по своему усмотрению выбирать обстоятельства, вид и партнеров собственных сексуальных отношений⁴⁹. В соответствии с § 177 (абз. 1) УУ

ФРГ уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера наступала в отношении того, кто, используя средства принуждения (насилие, угрозы причинения наличной⁵⁰ опасности для физической целостности или жизни, либо используя положение, в котором потерпевший беззащитно предоставлен влиянию исполнителя), понуждает другое лицо терпеть по отношению к себе действия сексуального характера со стороны исполнителя или третьего лица или совершать эти действия с исполнителем или третьим лицом. Таким образом, преступное деяние понуждения к действиям сексуального характера состояло из двух компонентов: элемента принуждения и сексуального элемента, между которыми должна существовать так называемая «целевая» или «финальная» взаимосвязь⁵¹. В силу прямого соотношения насилия и квалифицированной угрозы (причинения опасности для физической целостности или жизни) следует, что сексуальное понуждение (в отличие от общего состава принуждения в § 240 УУ ФРГ) требует наличия насильственных действий в отношении определенного человека. Насильственные действия, направленные против неодушевленного предмета, считались по господствующему мнению достаточными для воплощения состава § 177 (абз. 1) УУ ФРГ только в том случае, если они (как минимум также) оказывают непосредственное физическое воздействие на человека⁵². В третьей альтернативе данного состава (§ 177, абз. 1 № 3 УУ ФРГ в старой редакции) понуждение к действиям сексуального характера предусматривало в качестве средства принуждения использование положения, в котором потерпевший беззащитно предоставлен влиянию исполнителя. С введением данного средства принуждения в § 177 (абз. 1) УУ ФРГ на основании тридцать третьего Закона о реформе уголовного законодательства⁵³ должны были быть закрыты пробелы наказуемости, которые имели место в случаях, в которых «женщины, оцепеневшие от испуга, или в страхе от возможного применения к ним насилия (...) вынуждены были терпеть совершение над собой действий сексуального характера», причем «действия преступника не могли быть квалифицированы в качестве насилия

⁴⁴ См.: BT-Drs. 16/3641. S. 14.

⁴⁵ См.: BT-Drs. 18/10654. S. 5.

⁴⁶ См.: BT-Drs. 16/3641. S. 14.

⁴⁷ Подробно см. также: Fischer⁶³, § 238 Rn. 6a mwN.

⁴⁸ См.: Council of Europe Convention on preventing and combating violence against an domestic violence (Übereinkommen des Europarats zur Verhütung und Bekämpfung von Gewalt gegen Frauen und häuslicher Gewalt) от 11.05.2011 г., SEV Nr. 210. Германия подписала Стамбульскую конвенцию 11.05.2011 г. и ратифицировала ее 01.06.2017 г. См.: BT-Drs. 18/12037, 18/12479.

⁴⁹ См.: Fischer⁶³, § 177 Rn. 2 mwN.

⁵⁰ Подробно о толковании: Головинков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М., 2012. Ком. № 3 к § 177. С. 167.

⁵¹ См.: BGHSt 42, 111; BGH NJW 84, 1632; NStZ 05, 269; NStZ-RR 97, 199, 03, 43; Eisele, in: Schönke/Schröder²⁹, § 177 Rn. 3, 6, 7a mwN.

⁵² См.: Fischer⁶³, § 177 Rn. 9 mwN.; Eisele, in: Schönke/Schröder²⁹, § 177 Rn. 5 mwN. Иного мнения Wolter, NStZ 1985, 245, 251.

⁵³ См.: BGBl 1997 I S. 1607.

или конклюдентной угрозы причинения наличной опасности для физической целостности или жизни»⁵⁴. Тем не менее третья альтернатива старой редакции § 177 (абз. 1) УУ ФРГ была неоднократно подвержена критике в немецкой юридической литературе и правоприменительной практике⁵⁵. Особенно отмечалось, что § 177 (абз. 1 № 3) УУ ФРГ не содержит четкого описания определенного принудительного действия и не ограничивается деяниями, содержащимися в положениях § 240 (абз. 1) УУ ФРГ⁵⁶. Таким образом, положения данной альтернативы были крайне проблематичны в смысле толкования нормы и вели к противоречивой⁵⁷ правоприменительной практике.⁵⁸

В соответствии с прежним уголовно-правовым регулированием изнасилование являлось особо тяжким случаем сексуального понуждения, подлежащего уголовному наказанию в виде лишения свободы на срок не менее двух лет (§ 177, абз. 2, предл. 2 № 1 УУ ФРГ в старой редакции). Изнасилование имело место, если преступник вступает в половое сношение с потерпевшим или совершает с ним или привлекает его совершить с собой схожие действия сексуального характера, которые особо унижают потерпевшего, особенно если эти действия связаны с проникновением в тело.

Учитывая предстоявшую ратификацию Стамбульской конвенции и связанные с этим международные обязательства⁵⁹, в юридической литературе было бесспорным, что действовавшее уголовное законодатель-

ство в отношении преступных деяний, направленных против сексуального самоопределения, выявляет существенные пробелы наказуемости и поэтому нуждается в реформе⁶⁰. В частности, это касалось ситуаций, в которых преступник совершает действия сексуального характера без применения насилия, угроз или использования беззащитности потерпевшего и игнорирует при этом ясно выраженную, распознаваемую или нерасознаваемую противостоящую волю потерпевшего (например, используя момент неожиданности, опасение потерпевшего подвергнуться негативному воздействию со стороны исполнителя, ошибочное представление потерпевшего о собственном беззащитном положении, отсутствие финальной взаимосвязи между действием принуждения и его последствием). В отличие от этого не существовало согласия о конкретной форме усовершенствования уголовного законодательства в отношении преступных деяний, направленных против сексуального самоопределения, а также о пределах сферы применения реформированных норм. Законодателю было представлено несколько проектов Закона о реформе уголовного законодательства в данной сфере, в которых были заложены различные предложения в отношении реформы соответствующих составов, начиная от коренного преобразования положений § 177 УУ ФРГ и закрепления в них принципа «нет — значит нет»⁶¹, раздельного подхода к уголовно-правовому регулированию ситуаций с явным изъяслением противостоящей воли потерпевшего и без такового⁶² и заканчивая введением в § 179 УУ ФРГ нового состава «Действия сексуального характера при использовании особых обстоятельств»⁶³.

⁵⁴ См.: BT-Drs. 13/7324, S. 6. Подробно и критически о сфере действия и соотношении данной альтернативы с § 179 УУ ФРГ см.: Eisele, in: Schönke/Schröder²⁹, § 177 Rn. 8 mwN.

⁵⁵ Подробно и с дальнейшими ссылками Eisele, in: Schönke/Schröder²⁹, § 177 Rn. 8 ff.; Fischer⁶³, § 177 Rn. 33 ff.

⁵⁶ В особенности см.: Fischer⁶³, § 177 Rn. 32, 34, который не признает признак «использования» в качестве деяния принуждения в контексте § 177 (абз. 1 № 3) УУ ФРГ.

⁵⁷ Федеральный Верховный суд ФРГ (ФВС ФРГ) толкует инкриминированное в § 237 (абз. 1 № 3) УУ ФРГ деяние как «преодоление противостоящей воли потерпевшего путем использования его беззащитного положения» (BGHSt 45, 253, 258; 50, 359, 360). В других судебных решениях достаточным для воплощения данной альтернативы признается «любое действие, представляющее собой использование беззащитности потерпевшего» (BGH NStZ 2002, 199 ff.). В итоге ФВС ФРГ пришел к выводу, что § 237 (абз. 1 № 3) УУ ФРГ представляет собой «одноактовое принуждение», т.е. принуждение, в котором вынужденное сексуальное действие совпадает с действием принуждения (BGHSt 45, 253, 257 ff.; 50, 359, 363). В этом отношении см. справедливую критику Fischer⁶³, § 177 Rn. 36b, поскольку подобным толкованием в одной единственной альтернативе нарушается системность всех деликтов, связанных с принудительным воздействием на личность, которая заключается в разграничении между действием принуждения и его последствием.

⁵⁸ См. также: Eisele, in: Schönke/Schröder²⁹, § 177 Rn. 8 mwN.

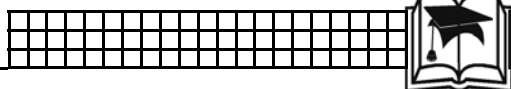
⁵⁹ См.: BR-Drs. 162/16, S. 1.

⁶⁰ Подробно и с дальнейшими ссылками Fischer⁶³, § 177 Rn. 39b.

⁶¹ Предложено фракцией партии «Левые» („Die Linke“), BT-Drs. 18/7719.

⁶² Предложено фракцией партии «Зеленые» („Bündnis 90 — Die Grünen“), BT-Drs. 18/5384.

⁶³ 16 марта 2016 г. Правительством ФРГ был принят и направлен на рассмотрение законодателем законопроект об улучшении защиты сексуального самоопределения человека. Этот законопроект предусматривал преобразование положений § 179 УУ ФРГ («Действия сексуального характера в отношении беззащитных лиц») в том виде, что подлежащие уголовному наказанию деяния, до сих пор не попадавшие в сферу применения § 177 (абз. 1 № 1, 2) УУ ФРГ, включались в диспозицию новой редакции § 179 УУ ФРГ («Действия сексуального характера при использовании особых обстоятельств»). Поскольку использование беззащитного положения потерпевшего для совершения действий сексуального характера в контексте § 177 (абз. 1 № 3) УУ ФРГ и особо тяжкий случай принуждения в контексте § 240 (абз. 4 предл. 2 № 1) УУ ФРГ должны были быть охвачены диспозицией нового § 179 УУ ФРГ, в Правительственном законопроекте было предусмотрено исключение данных положений из Уголовного уложения ФРГ. См.: Regierungsentwurf, BR-Drs. 162/16; BT-Drs. 18/8210.

Пятидесятым законом о реформе уголовного законодательства ФРГ (Закон об улучшении защиты сексуального самоопределения человека) от 4 ноября 2016 года⁶⁴ немецкое уголовное законодательство в отношении преступных деяний, направленных против сексуального самоопределения, было коренным образом реформировано и ужесточено.

В положениях новой редакции § 177 УУ ФРГ были сведены воедино составы сексуального понуждения и действий сексуального характера в отношении беззащитных лиц⁶⁵, а также был введен новый законодательный термин — «сексуальное домогательство»⁶⁶. Защищенным правовым благом остается право человека на сексуальное самоопределение. Однако в отличие от правового положения до реформы, уголовно-правовая защита этого правового блага теперь сконцентрирована на противодействии нарушению противостоящей воли потерпевшего⁶⁷. С введением новых альтернатив в состав преступного деяния сфера применения § 177 УУ ФРГ была значительно расширена, поскольку уголовная ответственность теперь наступает не только при совершении инкриминированных деяний посредством применения насилия, угроз причинения наличной опасности для физической целостности или жизни, а также использования беззащитного положения потерпевшего (т.е. сексуального понуждения), но еще и в случае «пренебрежения» распознаваемой (абз. 1) и нераспознаваемой (абз. 2) противостоящей волей потерпевшего (т.е. сексуального домогательства). Действовавшие до реформы составы сексуального понуждения остались в силе и представляют собой квалифицированный состав по отношению к § 177 (абз. 1 и 2) УУ ФРГ⁶⁸. Изнасилование также осталось основанием, отягчающим уголовную ответственность (особо тяжкий случай), но теперь уже не только за сексуальное понуждение, но и за сексуальное домогательство. Тем самым само поня-

тие изнасилования и сфера применения соответствующего уголовно-правового регулирования были значительно расширены⁶⁹.

Кроме этого в ходе уголовно-правовой реформы в данной области были созданы два новых состава преступного деяния: § 184i УУ ФРГ (сексуальное притеснение) и § 184j УУ ФРГ (совершение преступного деяния из группы лиц). За сексуальное притеснение уголовная ответственность предусмотрена за деяния, которые хотя и не достигают границу значительности в контексте § 184h (№ 1) УУ ФРГ, но требуют уголовно-правовой реакции в силу того, что они недопустимым образом затрагивают защищенное правовое благо, т.е. право личности на сексуальное самоопределение⁷⁰. Наконец, вспомогательный состав § 184j УУ ФРГ призван противодействовать повышенному потенциалу опасности, который заложен в совершении преступных деяний против сексуального самоопределения из группы лиц. В соответствии с данной нормой уголовная ответственность наступает уже за само участие в группе лиц, если кто-либо из участников этой группы совершает преступное деяние в соответствии с § 177 УУ ФРГ или § 184i УУ ФРГ.

В принципе, реформа уголовного законодательства Германии в данной сфере необходима и верна, поскольку она удовлетворяет международные требования к улучшению уголовно-правовой защиты права личности на сексуальное самоопределение и закрывает, очевидно, имеющие место пробелы наказуемости. Однако расширение сферы применения § 177 УУ ФРГ представляется проблематичным, особенно если иметь в виду процессуальные проблемы доказывания и возможные формы злоупотребления угрозой уголовной ответственности. Кроме того, с точки зрения доктрины уголовного права серьезные сомнения в соответствии принципу определенности уголовно-правовых норм вызывают весьма размытые формулировки во вспомогательных составах § 184i и 184j УУ ФРГ. Необходимо определенное время, чтобы в процессе правоприменительного и научного развития уголовного права в данной сфере было достигнуто устойчивое толкование правовых норм, обеспечено соблюдение соответствующих прав и таким образом была установлена правовая стабильность.

⁶⁴ См.: BGBl. 2016 I S. 2460. См. также: Рекомендация к принятию законопроекта и отчет Парламентского профильного комитета по праву и защите прав потребителей [Beschlussempfehlung und Bericht des Ausschusses für Recht und Verbraucherschutz] от 06.07.2016, BT-Drs. 18/9097.

⁶⁵ Поскольку предмет регулирования старой редакции § 179 УУ ФРГ («Действия сексуального характера в отношении беззащитных лиц») был полностью учтен в новом § 177 (абз. 2 № 1, 2) в сочетании с соответствующими отягчающими наказанием нормами УУ ФРГ (BT-Drs. 18/9097, S. 29), а также во избежание двойного регулирования, § 179 УУ ФРГ был исключен из вступившей в законную силу новой редакции Уголовного уложения ФРГ.

⁶⁶ Подробно: BT-Drs. 18/9097, S. 22 f.

⁶⁷ См.: BT-Drs. 18/9097, S. 21.

⁶⁸ См.: BT-Drs. 18/9097, S. 26.

⁶⁹ См.: BT-Drs. 18/9097, S. 21, 28.

⁷⁰ См.: BT-Drs. 18/9097, S. 30. В отношении особо проблематичных случаев см.: BGHSt 1, 293, 298. Подробно и дальнейшими ссылками: BT-Drs. 18/9097, S. 29 f.

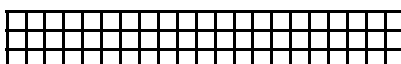
IV. Итог

Немецкое уголовное право располагает рядом весьма действенных правовых инструментов, обеспечивающих надежную защиту личных свобод. При этом учитываются особенности, которые касаются также и в первую очередь женщин. Насколько реформа уго-

ловного законодательства в отношении преступных деяний, направленных против сексуального самоопределения личности, действительно улучшит и укрепит защиту женщин от сексуальных домогательств и притеснений, покажет время и правоприменительная практика.

Литература

1. Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. М., 2012. 311 с.
2. Bülte J./Becker R., Der Begriff der Ehe, ZIS 2012, 61–67.
3. Eisele J./Majer Ch.-F., Strafbarkeit der Zwangsheirat nach § 237 StGB im Lichte des Internationalen Straf- und Privatrechts, NStZ 2011, 546–552.
4. Fischer Th., Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen, 63. Auflage, 2016– данных не найдено
5. Kubik A./Zimmermann T., Sozialadäquate Zwangsverheiraten?, JR 2013, 192–203.
6. Schönke A./Schröder H., Strafgesetzbuch, Kommentar, 29. Auflage, 2014 данных не найдено
7. Schumann K.H., Der neue Tatbestand der Zwangsheirat (§ 237 StGB), JuS 2011, 789–794.
8. Wolter J., Gewaltanwendung und Gewalttätigkeit, NStZ 1985, 245–252.

DOI: 10.18572/1813-1190-2017-10-21-27

Личная неприкосновенность как объект совершаемых посредством насилия преступлений против семьи и несовершеннолетних*

Попов Д.В.**

Цель. Уголовно-правовая регламентация защиты несовершеннолетнего от вовлечения в совершение преступления, антиобщественные действия, а равно от жестокого обращения с ним является важным и эффективным инструментом, обеспечивающим такие цели, как охрана его личной неприкосновенности, нормальное физическое, психическое и духовное развитие личности несовершеннолетнего. Правильное определение объекта уголовно-правовой охраны преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ является залогом успешного достижения упомянутых целей. **Методология:** диалектика, анализ, синтез, обобщение, сравнение, формально-юридический метод. **Выводы.** Во-первых, раскрытие содержания таких понятий, как «личная неприкосновенность» и «право на личную неприкосновенность» позволило установить, что первое из них — это фактическое состояние человека, второе — право гражданина на государственную защиту его личности от незаконных посягательств. При этом личная неприкосновенность состоит из телесной и психической неприкосновенности. Во-вторых, совершая преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ путем применения насилия или угрозы его применения, виновное лицо одновременно нарушает принадлежащее несовершеннолетнему от рождения право на личную неприкосновенность и посягает на его личную неприкосновенность (телесную и/или психическую). В-третьих, проведенное исследование показало, что дополнительным объектом вышеупомянутых преступлений следует считать общественные отношения, обеспечивающие личную неприкосновенность несовершеннолетнего. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование развивает и уточняет теоретические положения, существующие в науке уголовного права относительно дополнительного объекта вышеприведенных преступлений. Сделанные в настоящем исследовании выводы позволяют правоприменительным органам точнее понимать, какие общественные отношения подпадают под охрану вышеуказанных уголовно-правовых норм, и правильно квалифицировать действия виновного лица.

Ключевые слова: право на личную неприкосновенность, личная неприкосновенность, объект преступления, дополнительный объект преступления, несовершеннолетний, насильственный способ, насилие, угроза применения насилия, телесная неприкосновенность, психическая неприкосновенность.

Personal Inviolability as Object of Violent Crimes Committed against Family and Juveniles***

Popov D.V.****

Purpose. Criminal law regulation of protection of juveniles against being involved into crimes, antisocial actions and suffering from abusive treatment is an important and efficient tool pursuing such aims as protection of juvenile's personal inviolability, normal physical, psychic and spiritual personality development. Correct determination of an object of criminal law protection against crimes stipulated by part 3 article 150, part 3 article 151 and article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation is key for successful achievement of the mentioned aims. **Methodology.** Dialectics, analysis, synthesis, generalization, comparison, technical legal method. **Conclusions.** Firstly, definition of such notions as "personal inviolability" and "right to personal inviolability" makes it possible to establish that the first is the actual human state and the second is the civil right to state protection of personality against any illegal infringements. Personal inviolability comprises physical and mental integrity. Secondly, a person guilty of committing crimes stipulated by part 3 article 150, part 3 article 151 and article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation by resort to threat or use of force simultaneously violates the juvenile's natural right to personal inviolability and infringes upon personal inviolability (physical and/or mental). Thirdly, the conducted research shows that social relations securing juvenile's personal inviolability should be considered an additional object of the above mentioned crimes. **Scientific and practical significance.** The conducted research develops and specifies theoretical provisions existing in the criminal law science regarding the additional object of the above mentioned crimes. The conclusions reached in this research will allow the law enforcement authorities to understand more exactly what social relations fall within the scope of protection of the above mentioned criminal law provisions and qualify correctly the actions of the guilty person.

Key words: right to personal inviolability, personal inviolability, crime object, additional crime object, juvenile, use of force, force, threat of force, physical integrity, mental integrity.

* Статья рекомендована кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

** **ПОПОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**, аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), d_popov@bk.ru

*** The article is recommended by the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

**** **POPOV DMITRY V.**, Postgraduate Student of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

В части 1 ст. 22 Конституции РФ закреплено положение, согласно которому каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Указанное право нашло свое отражение и в основных международных документах по правам человека (ст. 3 Всеобщей декларации прав человека¹, ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах², ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод³).

Право на свободу и личную неприкосновенность, как справедливо отмечается в правовой литературе, относится к числу важнейших естественных прав человека, принадлежащих ему от рождения⁴. Носителем данного права является любой человек независимо от пола, национальности, социального статуса, возраста, в том числе и несовершеннолетнее лицо.

На государстве лежит обязанность обеспечивать защиту, принадлежащих человеку прав, и одним из механизмов такой защиты являются правовые нормы, в том числе и уголовно-правового характера.

В части 1 ст. 2 УК РФ прямо закреплено, что: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений».

В этой связи зададимся вопросом: имеет ли место нарушение права на свободу и личную неприкосновенность при совершении преступлений, предусмотренных статьями ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ? Полагаем, чтобы ответить на него, следует в первую очередь определиться с содержанием упомянутого права.

Как отмечается специалистами в области конституционного права, под закрепленным в Конституции РФ правом на свободу и личную неприкосновенность подразумевается два самостоятельных, но имеющих об-

щую характеристику права, а именно: право на свободу⁵ и право на личную неприкосновенность.

В контексте поиска ответа на поставленный ранее вопрос нас в первую очередь будет интересовать именно право на личную неприкосновенность, содержательная сторона которого правоведами определяется неоднозначно.

Так, по мнению Е.И. Козловой, оно сводится к гарантии того, что никто не вправе насильственно ограничивать свободу человека распоряжаться в рамках закона своими действиями, пользоваться свободой передвижения. И никто не может быть подвергнут аресту, заключению под стражу и содержанию под стражей иначе, как на основании судебного решения⁶.

Такая позиция основана на положениях ч. 1 и 2 ст. 22 Конституции РФ, в которых закреплено, что:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Но насколько подобное понимание всесторонне отражает содержательную сторону права на личную неприкосновенность?

Исследуя вопрос о личной неприкосновенности, известный ученый в области конституционного права О.Е. Кутафин по этому поводу замечает, что согласно Конституции РФ (ст. 22) личная неприкосновенность означает, что никто не вправе насильственно ограничивать свободу человека посредством незаконного ареста, заключения под стражу и содержания под стражей. Однако значит ли это, что все другие покушения на свободу человека не имеют отношения к личной неприкосновенности? Представляется, что нет. Право на личную неприкосновенность — признанное и охраняемое государством субъективное право лиц, проживающих на территории Российской Федерации. Его сущность выражается в юридически закрепленной и фактически обеспечиваемой личной неприкосновенности, а также в предусмотренной правом возможности обращаться за ее защитой от любых незаконных посягательств. Являясь правом на государственную охрану и

⁵ Право на свободу определяется как гарантированная правовыми нормами возможность реализации индивидом собственной воли в самостоятельном и независимом социальном поведении.

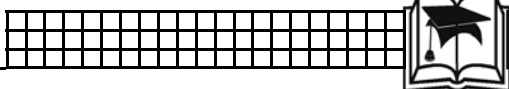
⁶ См.: Конституционное право России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. С. 261.

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод в процессе: заключена в г. Риме 04.11.1950 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головишкова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

защиту от неправомерных ограничений и преступных посягательств, это право постоянно присуще личности⁷.

Как видим, раскрывая понятие данного права, академик О.Е. Кутафин не сводит его содержание исключительно к незаконному аресту, заключению под стражу и содержанию под стражей, но толкует его более широко.

Широкого подхода к пониманию рассматриваемого права придерживаются также и другие правоведы.

Согласно мнению О.Г. Селиховой право на личную неприкосновенность — это гарантированная правовыми нормами защита человека от любого не предусмотренного правом физического или психического посягательства со стороны других членов общества или государства⁸.

И.Л. Петрухин под правом личной неприкосновенности понимает гарантированную государством личную безопасность и свободу человека, состоящую в недопущении, пресечении и наказуемости посягательств на: 1) жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность и половую свободу (физическая неприкосновенность); 2) честь, достоинство, нравственную свободу (нравственная неприкосновенность); 3) нормальное течение психических процессов (психическая неприкосновенность); 4) индивидуальную свободу человека, выражающуюся в предоставленной ему возможности располагать собой, своим свободным временем, по своему усмотрению определять место пребывания, не находиться под наблюдением или охраной (личная безопасность)⁹.

Мы солидарны с позиций широкого подхода и теми выводами, которые сделаны вышеприведенными специалистами по поводу содержательной стороны права на личную неприкосновенность.

Раскрывая содержание права на личную неприкосновенность, следует затронуть и вопрос о его соотношении с таким понятием, как «личная неприкосновенность».

В юридической литературе по этому поводу отмечалось, что личная неприкосновенность и право на личную неприкосновенность разные вещи. Первое — это фактическое состояние, второе — право гражданина на государственную защиту его личности от незаконных

посягательств кого бы то ни было, связанное с обязанностью всех других граждан воздержаться от таких посягательств, а также с обязанностью государственных органов защитить личность от неправомерных посягательств¹⁰.

Применительно к уголовному праву изложенное позволяет, на наш взгляд, сделать важный вывод о том, что именно через уголовно-правовую охрану права на личную неприкосновенность в конечном счете обеспечивается фактическое, т.е. действительное состояние личной неприкосновенности каждого человека.

Таким образом, мы выяснили, что содержательную сторону права на личную неприкосновенность составляет личная неприкосновенность как фактическое состояние, присущее каждому человеку.

Заметим, что в научной литературе была высказана точка зрения, согласно которой личная неприкосновенность условно состоит из двух частей: физической (телесной) и внутренней (духовной), при этом последняя включает нравственную, психическую и индивидуальную¹¹.

Безусловно, личная неприкосновенность, так же как и право на личную неприкосновенность, имеет свое содержание.

Мы также согласны с тем, что составной частью личной неприкосновенности является телесная неприкосновенность. Последняя, на наш взгляд, характеризуется тем, что человеку со стороны государства гарантируется защита от любого не предусмотренного правом посягательства на телесную сферу или, другими словами, на его тело. Отсюда и само название — телесная неприкосновенность.

В качестве еще одной составной части личной неприкосновенности следует, как нам представляется, выделить психическую неприкосновенность, которая есть гарантированная защита человека от любого не предусмотренного правом посягательства на психическую сферу, а именно на его психику.

Именно в результате воздействия на психику, которая, как известно, охватывает весь спектр психических явлений (сознательное и бессознательное, воля, эмоции, психические состояния и пр.) и составляет свойство, функцию головного мозга, у человека происходят различные внутренние нравственные переживания.

⁷ См.: Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2004. С. 120, 122.

⁸ См.: Селихова О.Г. Право на свободу и личную неприкосновенность: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. С. 36.

⁹ См.: Конституция Российской Федерации: научн.-практ. комментарий. М., 2003. С. 216.

¹⁰ См.: Патюлин В.А. Неприкосновенность личности как правовой институт // Советское государство и право. 1973. №11. С. 15.

¹¹ См.: Оваддок Г.Т. Конституционное право на личную неприкосновенность человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 18–19.

Полагаем более точным в качестве частей, составляющих содержание личной неприкосновенности, выделять телесную и психическую неприкосновенность.

В процессе поиска ответа на поставленный вопрос — имеет ли место нарушение права на свободу и личную неприкосновенность при совершении преступлений, предусмотренных статьями ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ, важно отметить, что общим признаком для каждого из указанных преступлений является насильственный способ их совершения.

Так, в ч. 3 ст. 150 и ч. 3 ст. 151 УК РФ законодателем прямо указывается на такой квалифицирующий признак, как «насилие или угроза его применения», а в диспозиции ст. 156 УК РФ закреплено понятие «жестокое обращение». При этом также важно понимать, на что воздействует виновный, применяя данные насильственные способы.

На страницах уголовно-правовой литературы по этому поводу были высказаны следующие суждения.

По мнению одних ученых, физическое насилие¹² включает воздействие на тело человека, его организм, т.е. на наружные покровы тела или внутренние органы¹³. Другие к этому добавляют указание о воздействии на физиологические функции организма человека¹⁴.

Полагаем, что в каждой из приведенных точек зрения есть рациональное зерно, поскольку исследованиями науки анатомии доказано, что тело человека составляют клетки, дифференцированные в различные ткани, а также органы, которые образуют системы¹⁵.

Таким образом, применительно к ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ воздействие при физическом насилии направлено на тело человека, состоящее из тканей (эпителиальной (покровной), соединительной, нервной, мышечной), а также образующих его наружных (голова, шея, руки, ноги и т.д.) и внутренних (сердце, легкие, печень, желудок и т.д.) органов.

¹² Тождественно термину «насилие», употребляемому в статьях УК РФ.

¹³ См.: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М.: Юридическая литература, 1974. С. 3; Кондрашова Т.В. Понятие физического насилия как средства совершения половых преступлений // Проблема борьбы с преступностью и пути развития уголовного законодательства: межвуз. сб. научн. трудов. Свердловск, 1984. С. 137.

¹⁴ См.: Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 7; Бойцов А.И. Понятие насильственного преступления // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л., 1988. С. 141.

¹⁵ См.: Анатомия человека / под ред. С.В. Михайлова. М., 1973. С. 26.

Что же касается воздействия при угрозе применения насилия, которая признается психическим насилием, то у специалистов, исследовавших данный вопрос, наблюдается единство взглядов.

В частности, Р.А. Левертова по этому поводу замечает, что психическое насилие в отличие от физического не нарушает целостности органов тела и наружных тканей. Оно не причиняет видимого физического вреда организму потерпевшего, а воздействует лишь на его психику, вызывая различные чувства — страх, гнев, возмущение¹⁶.

Придерживаясь аналогичного мнения, Е.Г. Веселов также акцентирует внимание на том, что при психическом насилии происходит целенаправленное деструктивное воздействие на психику лица¹⁷.

Мы солидарны с мнением вышеуказанных специалистов о том, что при психическом насилии, одним из видов которого является угроза применения насилия, воздействие направлено на психику потерпевшего.

Из сказанного можно заключить, что, выполняя объективную сторону преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ, виновное лицо воздействует на тело, состоящее из тканей и образующих его наружных и внутренних органов и психику несовершеннолетнего.

В итоге воздействия на тело и психику несовершеннолетнего осуществляется посягательство на его личную неприкосновенность и в конечном счете нарушается принадлежащее ему право на личную неприкосновенность.

Но будет ли право на личную неприкосновенность являться объектом рассматриваемых нами преступлений в уголовно-правовом смысле?

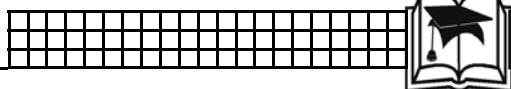
На сегодняшний день среди специалистов в области уголовного права относительно того, что следует понимать под объектом преступления, существует множество различных точек зрения¹⁸.

Наиболее распространенной в доктрине уголовного права является точка зрения, согласно которой объектом преступления признаются общественные отно-

¹⁶ См.: Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву: учебное пособие. Омск, 1978. С. 5.

¹⁷ См.: Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 102.

¹⁸ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев и др.; под ред. А.И. Рапога. М.: Проспект, 2014. С. 75; Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М.: НОРМА, 2001. С. 60; Уголовное право Российской Федерации: учебник / под ред. М.П. Журавлева, А.И. Рапога. М., 1996. С. 37.

шения, на которые направлено преступление¹⁹. Мы также будем отталкиваться от этой позиции.

Изучение работ, посвященных уголовно-правовой характеристике составов преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 и 156 УК РФ, показало, что при раскрытии вопроса об объекте данных преступлений подавляющее большинство авторов рассматривает его в контексте общественных отношений.

Так, например, В.С. Савельева в качестве объекта преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, признает общественные отношения, связанные с обеспечением необходимых условий для становления и развития личности несовершеннолетнего как законопослушного гражданина своего государства и добропорядочного члена общества (духовное и моральное развитие)²⁰. Объектом преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, выступают общественные отношения, связанные с обеспечением необходимых условий нормального физического, психического, интеллектуального и духовного развития личности несовершеннолетнего²¹, а объектом преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, — общественные отношения, связанные с обеспечением условий для нормального всестороннего развития личности несовершеннолетнего²².

Другой теоретик в области уголовного права — В.В. Палий применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 150, 151 и 156 УК РФ, замечает, что преступлениями данного вида будет причиняться вред не только общественным отношениям, обеспечивающим нормальное физическое, умственное, нравственное, духовное развитие и воспитание несовершеннолетнего, но и его правам и законным интересам (например, право ребенка жить и воспитываться в семье, имущественные права и др.)²³.

На общественные отношения как объект преступления, предусмотренные ст. 150, 151 и 156 УК РФ, указывается в научных трудах и других специалистов в области уголовного права²⁴.

Заметим, что приведенные нами определения относятся к характеристике основного объекта преступления, т.е. тех общественных отношений, ради защиты которых существует уголовно-правовые нормы ст. 150, 151 и 156 УК РФ и которым наносится или может быть нанесен вред данными преступлениями.

Однако нас в первую очередь интересует объект преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ, чья объективная сторона характеризуется насильственным способом их совершения.

Обратившись к мнениям, высказанным на этот счет на страницах юридической литературы, можно выделить следующие из них.

Так, по мнению И.В. Литвиновой, если при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий, в отношении подростка применялось насилие или осуществлялась угроза его применения, то дополнительным объектом данных преступлений (для ч. 3 ст. 150 и ч. 3 ст. 151 УК РФ) является здоровье несовершеннолетних, вовлекаемых в совершение преступлений и иные антиобщественные действия²⁵.

Согласно позиции А.В. Осипьян факультативным объектом преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150 УК РФ и ч. 3 ст. 151 УК, при применении насилия выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье, телесную неприкосновенность или свободу, а при угрозе применения насилия — общественные отношения, обеспечивающие безопасность этих благ²⁶.

Следует отметить, что указанными специалистами справедливо подчеркивается, что те общественные отношения, которым причиняется вред при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия путем применения насилия или угрозы его применения, выступают дополнительным объектом преступления.

¹⁹ См.: Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части : учебное пособие / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.И. Чучаев; канд. юрид. наук Е.В. Лошенкова. М. : КОНТРАКТ, 2014. С. 147.

²⁰ См.: Савельева В.С. Уголовная ответственность за преступления против несовершеннолетних : учен. пособие. М. : Проспект, 2014. С. 23.

²¹ Там же. С. 32.

²² Там же. С. 49.

²³ См.: Палий В.В. Преступления против семьи и несовершеннолетних : учебн. пособие / В.В. Палий, А.А. Ашин, А.И. Чучаев. Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. С. 12.

²⁴ См.: Осипьян А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид.

наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 48; Литвинова И.В. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иные антиобщественные действия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 54; Строков А.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 137.

²⁵ См.: Литвинова И.В. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иные антиобщественные действия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 55–56.

²⁶ См.: Осипьян А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 54, 56, 83–84.

К сожалению, изучение юридической литературы²⁷ показало, что авторами дается уголовно-правовая характеристика ст. 156 УК РФ, выделяется и раскрывается только основной объект преступления и ничего не говорится о дополнительном объекте.

Исключением, пожалуй, является работа А.А. Строкова, в которой он отмечает, что под непосредственным объектом данного преступления предлагается понимать общественные отношения, обеспечивающие право ребенка на воспитание и заботу. Помимо основного объекта под угрозу нарушения ставятся здоровье, жизнь, свобода и достоинство несовершеннолетнего, страдающего от жестокого обращения с ним, которые выступают в качестве дополнительных признаков²⁸.

Как видим, общей для всех вышеприведенных точек зрения является позиция, согласно которой, совершая преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ, путем применения насилия или угрозы его применения, виновное лицо посягает на общественные отношения, обеспечивающие здоровье несовершеннолетнего.

На наш взгляд, верным является также мнение и тех специалистов, которые относят к объекту указанных преступлений общественные отношения, обеспечивающие жизнь несовершеннолетнего.

Вместе с тем, как нами уже было замечено, выполняя объективную сторону указанных преступлений путем угрозы применения насилия, виновное лицо воздействует на психику несовершеннолетнего.

В этой связи считаем необходимым наряду с общественными отношениями, обеспечивающими жизнь и здоровье несовершеннолетнего, выделять в качестве дополнительного объекта преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ, общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность психики несовершеннолетнего.

Подводя итог, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, совершая преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ, путем применения насилия или угрозы его применения, виновное лицо нарушает принадлежащее несовершеннолетнему от рождения право на личную неприкосновенность.

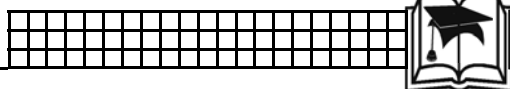
Во-вторых, разделяя позицию, что объектом преступления являются общественные отношения, на которые направлено преступное посягательство, мы полагаем обоснованным в качестве дополнительного объекта преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 и ст. 156 УК РФ, считать общественные отношения, обеспечивающие личную неприкосновенность несовершеннолетнего, включающую телесную и психическую неприкосновенность.

²⁷ См.: Белов В.Ф. Преступления против семьи и несовершеннолетних в аспектах de lege lata и de lege ferenda. М., 2002. С. 33–34; Красовская О.Ю. Преступления против семьи и несовершеннолетних: учебное пособие / О.Ю. Красовская. Саратов: Наука, 2013. С. 26–27; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов, С.И. Никулин и др. М.: Проспект, 2017. С. 436–438.

²⁸ См.: Строков А.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 137.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Е.Ю. Бархатова. М.: Проспект, 2015.
5. Белов В.Ф. Преступления против семьи и несовершеннолетних в аспектах de lege lata и de lege ferenda / В.Ф. Белов. М., 2002. С. 33–34.
6. Бойцов А.И. Понятие насильственного преступления / А.И. Бойцов // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л., 1988. С. 134–150.
7. Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Веселов. Краснодар, 2002. 198 с.
8. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления / Л.Д. Гаухман. М.: Юридическая литература, 1974. 167 с.
9. Кондрашова Т.В. Понятие физического насилия как средства совершения половых преступлений / Т.В. Кондрашова // Проблема борьбы с преступностью и пути развития уголовного законодательства: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1984. С. 137–142.
10. Красовская О.Ю. Преступления против семьи и несовершеннолетних: учебное пособие / О.Ю. Красовская. Саратов: Наука, 2013. С. 26–27.
11. Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации / О.Е. Кутафин. М.: Юрист, 2004. 405 с.
12. Левертова Р.А. Ответственность за психическое насилие по советскому уголовному праву: учебн. пособие / Р.А. Левертова; НИИРИО Ом. ВШМ МВД СССР. Омск, 1978. 103 с.
13. Литвинова И.В. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иные антиобщественные действия: дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Литвинова. М., 2008. 170 с.
14. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления / Г.П. Новоселов. М.: НОРМА, 2001. 208 с.

15. Осипьян А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Осипьян. Ростов-на-Дону, 2004. 217 с.
16. Палий В.В. Преступления против семьи и несовершеннолетних : учебн. пособие / В.В. Палий, А.А. Ашин, А.И. Чучаев. Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. 194 с.
17. Патюлин В.А. Неприкосновенность личности как правовой институт / В.А. Патюлин // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 12–20.
18. Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части : учебн. пособие / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.И. Чучаев; канд. юрид. наук Е.В. Лошенкова. М. : КОНТРАКТ, 2014. 318 с.
19. Савельева В.С. Уголовная ответственность за преступления против несовершеннолетних : учебн. пособие / В.С. Савельева. М. : Проспект, 2014. 127 с.
20. Селихова О.Г. Право на свободу и личную неприкосновенность : монография / О.Г. Селихова. Екатеринбург : Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. 141 с.
21. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Л.В. Сердюк. М. : Юрлитинформ, 2002. 384 с.
22. Строков А.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Строков. Ставрополь, 2009. 195 с.
23. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М.П. Журавлев и др.; под ред. А.И. Рарога. М. : Проспект, 2014. 781 с.
24. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов, С.И. Никулин и др. М. : Проспект, 2017. С. 436–438.

Предпосылки гражданского общества: причины незрелости

Буринов А.М., Буринова Л.Д.*

Цель. Раскрыть сущность и особенности формирования предпосылок гражданского общества в России как явления, обусловленного необходимостью установления баланса политических сил в обществе. Россия провозгласила цель построения гражданского общества. Однако реальное воплощение этой цели затянулось. Сложившийся пока только некий идеальный образ гражданского общества требует глубокого научного осмысления. К тому же реализация замысла осуществляется в труднейших условиях российской действительности. На основе анализа сущности, структуры и различных исторических форм авторы выявляют причины незрелости гражданского общества в России.

Методология. Исторический, диалектический и сравнительный методы. Использовались также системный, формально-юридический, логический методы и метод познания. **Выводы.** Развитое гражданское общество является источником и следствием политической активности масс, образуя прочный фундамент демократии. Становление гражданского общества в России проходит в условиях острого дефицита доверия к институтам самого государства, на фоне низкой общественной активности, снижения уровня жизни, социальной апатии населения.

Научная и практическая значимость. Статья направлена на выявление проблем становления гражданского общества, вопросов формирования политической культуры как важного его элемента. Выводы могут способствовать комплексному изучению протекающих в нашем обществе процессов и явлений.

Ключевые слова: демократия, плюрализм, гражданское общество, толерантность, индивидуализм, коллективизм, политическая культура.

Civil Society Prerequisites: Reasons of Immaturity

Burinov A.M., Burinova L.D.**

Purpose. To reveal the essence and features of building of the prerequisites of civil society in Russia, as a phenomenon caused by the need to set the balance of political forces in the society. Russia proclaimed the goal of building a civil society. However, the real achievement of this goal was delayed. The only ideal image of the civil society that has so far existed requires deep scientific understanding. In addition, the realization of this goal is carried out under the most difficult conditions of Russian reality. The authors reveal the reasons for the immaturity of civil society in Russia, based on the analysis of the essence, structure and various historical forms.

Methodology. Historical, dialectical and comparative methods. Systemic, formal-legal, logical methods and method of cognition were also used. **Conclusions.** A developed civil society is the source and consequence of political activity, including in the sphere of social protection of the population.

Scientific and practical significance. The article is aimed at revealing the problems of the formation of civil society, the issues of the formation of political culture as an important element of it. Conclusions can contribute to a comprehensive study of the processes and phenomena taking place in Russian society.

Key words: democracy, pluralism, civil society, tolerance, individualism, collectivized, political culture.

Процесс реформирования общественных отношений в современном российском государстве предполагает одной из своих главных целей зарождение и дальнейшее развитие такой крупнейшей общественной силы, какой является в условиях демократического развития гражданское общество.

Гражданское общество в истории мировой цивилизации существует всего лишь чуть более двух веков. Его возникновение способствует созданию необходимых

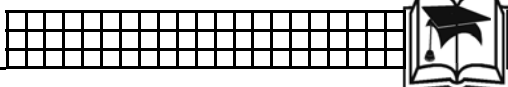
условий для удовлетворения как материальных, так и духовных потребностей человека, которые должны привести к достойной жизни каждого индивида, и соответственно предпосылок для его дальнейшего свободного развития. Поэтому гражданское общество в истории человечества возникло именно тогда, когда впервые в качестве объекта социальных теоретических исследований человек стал выступать именно как личность, как индивид, и именно тогда возникает его естественное

* **БУРИНОВ АРТУР МИХАЙЛОВИЧ**, доцент кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета, кандидат философских наук, buriant2010@mail.ru

БУРИНОВА ЛИДИЯ ДАДУОНВНА, доцент кафедры гражданского права и процесса факультета управления и права Калмыцкого государственного университета, кандидат юридических наук, burinova08@mail.ru

** **BURINOV ARTUR M.**, Assistant Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Kalmyk State University, Candidate of Philosophical Sciences

BURINOVA LIDIA D., Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Management and Law of the Kalmyk State University, Candidate of Legal Sciences

право на самореализацию, а общество перестает рассматриваться его исследователями в качестве некоего аморфного образования. Дух демократического развития по своей сущности является духом свободы и ответственности человека, духом социального равенства и социальной справедливости. Человек всегда является носителем определенных интересов, установок, духовных ценностей и потребностей.

Исследуемая проблема находится в центре внимания современных российских ученых. Так, В.В. Гриб отмечает среди предпосылок формирования этого феномена правовое регулирование общественных отношений в сфере взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти. Решение данной задачи будет способствовать форсированию процесса построения гражданского общества в России. Автор анализирует сложившуюся российскую практику взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти в социальной сфере и делает ряд важных для развития правоприменительной практики выводов, которые могут быть использованы в правотворческой деятельности¹. А.Ю. Саломатин прослеживает корни и ключевые факторы постмодернизации. Он объясняет особенности социально гибкого гражданского общества при новых обстоятельствах². В работе В. Ю. Мельникова рассмотрены актуальные и важные проблемы, возникшие в ходе становления гражданского общества в России. Отмечается, что подлинная демократия в обществе и государстве не создается одномоментно, не копируется по внешнему образцу. Необходимо, чтобы общество было готово к использованию демократических механизмов, желало создать развитое гражданское общество, в котором было бы комфортно жить всем слоям населения — и богатым, и бедным, чтобы большинство людей почувствовали себя гражданами, готовы были бы на регулярной основе тратить свое внимание, свое время, свои усилия на участие в процессе управления³. К.Е. Сигалов под гражданским обществом подразумевают индивидуализированную форму существования социальности в ее противопоставлении политическому,

фиксируя определенный уровень развития и степень зрелости общества в целом, его специфическую историческую форму и состояние⁴. Его возникновение обусловлено целым комплексом социальных, пространственных и темпоральных условий, характеризующих цивилизационную обусловленность права. Д.В. Татьянин анализирует проблематику внедрения гражданского общества в России. Автор исследует понятие гражданского общества и приводит причины его непонимания и неприятия в России⁵.

Предпосылки возникновения гражданского общества в Российской империи были заложены императором Александром I, когда в 1861 году он своим указом отменил в стране крепостное право. Данное событие привело к резкому росту капиталистических отношений в России. В стране стали возникать многочисленные союзы промышленных, сельскохозяйственных, банковских частных предпринимателей. Также были проведены реформы в сфере местного самоуправления. Они способствовали передаче частичных полномочий из центра страны в регионы Российской империи, что в значительной мере благоприятствовало дальнейшему росту у населения страны чувства гражданского самосознания. Поэтому можно говорить о том, что в исследуемый период граждане Российского государства получили возможность обрести полную свободу, а это является одним из главных требований для создания и дальнейшего развития гражданского общества. Более того, появление на рубеже XIX–XX веков значительного по численности среднего класса в лице зажиточного населения империи становится еще одной предпосылкой для возникновения в России гражданского общества.

Однако последовавшие затем социальные катаклизмы второго десятилетия XX века не только приостановили процесс развития гражданского общества, но и привели к сворачиванию этого движения на пути к социальному прогрессу. После октября 1917 года возникает новый вид собственников на основные средства производства: ими становятся уже члены нового правящего класса — партийной и советской номенклатуры, в руках которой концентрируется экономическая, политическая и идеологическая власть. Основное на-

¹ См.: Гриб В.В. Взаимодействия гражданского общества и органов государственной власти в социальной сфере // Социальное и пенсионное право. 2010. № 4. С. 13.

² См.: Саломатин А.Ю. Гражданское общество в условиях постмодернизационного развития // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 6.

³ См.: Мельников В.Ю. Соблюдение прав человека в условиях построения гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 6–11.

⁴ См.: Сигалов К.Е. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 3–7.

⁵ См.: Татьянин Д.В. Некоторые правовые и социальные последствия внедрения гражданского общества в российских условиях // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 20.

селение страны довольствуются ролью бесправных государственных работников. Все это способствует тому, что функционирующие в то время институты гражданского общества приобретают формальный характер, поскольку находились в полной зависимости от замыслов и намерений партийной номенклатуры. В государстве с тоталитарной формой правления не оставалось места для развития гражданского общества.

В конце восьмидесятых годов прошлого столетия в нашей стране происходит процесс возрождения традиций гражданского общества. Одним из лозунгов населения в тот период становится их настоятельное требование разделения полномочий государства и общества. Его реализация предусматривала предоставление народу возможности решения многих экономических, социальных, личностных проблем без прямого вмешательства со стороны государства. Таким образом, люди желали взять на себя ответственность за самостоятельное решение всех подобных проблем, не перекладывая эти заботы на плечи государства. Более того, они хотели оказывать свое влияние и на поведение власти, для того чтобы властные органы находились под народным контролем и чтобы люди имели возможность всеми доступными средствами корректировать поведение власти, принимать участие в государственном управлении. Выполнение подобных требований означало на практике, что в стране постепенно создаются необходимые предпосылки для возникновения и дальнейшего развития гражданского общества.

В этот период истории нашего государства все большая часть основного населения нашей страны стала активно и энергично интересоваться актуальными проблемами внутренней и внешней политики. Небывалыми темпами возрождалась социальная и экономическая активность народных масс, люди стали осознанно склоняться при анализе социальной действительности к тем или иным образцам политического поведения. Однако при этом их политическая культура все еще оставалась на довольно низком уровне.

Свобода не является у нас общепризнанной ценностью. Между тем это основополагающее понятие, связанное с гражданским обществом. «Людей, познавших вкус свободы и ощутивших собственные права, не просто убедить мириться с посягательствами на то и другое...», — сказал Адам Фергюсон. И еще: «В условиях действия свободной конституции, при которой каждый индивид занимает определенное положение, пользуется определенными привилегиями и имеет представле-

ние о своих личных правах, члены сообщества являются друг для друга объектами внимания и уважения; решение проблем гражданского общества предполагает не только использование власти, но и талантов, мудрости, силы убеждения. Но при деспотическом правлении высшая доблесть состоит в том, чтобы править исключительно посредством приказов, отвергая все способы, кроме принудительных. Поэтому вследствие этой политики постепенно становятся невостребованными способности человека к пониманию и чувствованию, равно как и его воображение; и так же гладко и постепенно, как происходило ранее накопление достижений человечества, действовавшего в обществе на принципах свободы, происходит вырождение его под влиянием вышеописанных злоключений»⁶.

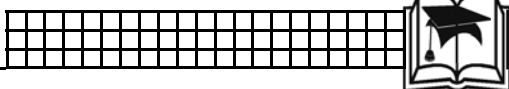
Пока еще не сформировались в полной мере и стабильные персонифицированные отношения собственности. Однако уже сейчас можно говорить о множественности в нашей стране различных видов собственности на средства производства. Благодаря проведенным экономическим и политическим реформам россияне получили полную возможность на практике реализовать свои экономические потребности.

Для создания предпосылок возникновения гражданского общества необходимо провести такие политико-культурные изменения глобального масштаба, как разгосударствление собственности, установление реальной многопартийности, сокращение численности бюрократического аппарата, проведение социальных реформ по улучшению условий жизни для большинства граждан страны и др.

Многие исследователи гражданского общества, например французский ученый Ги Эрмэ, подчеркивают, что для формирования гражданственности необходимо выработать у граждан определенный тип культуры. Базовой ценностью в этом типе культуры является сам человек с его потребностями и интересами. Среди основных черт подобной культуры можно выделить прежде всего терпимость, толерантность, которые позволяют не только не навязывать оппонентам свою точку зрения на разные проблемы в качестве окончательной истины, но и демонстрировать свою готовность взаимодействия с оппонентом⁷. Это проявляется в выработке способности выслушать своего собеседника,

⁶ Фергюсон Адам. Опыт истории гражданского общества : пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова. М. : РОССПЭН, 2000. 391 с. (Унив. б-ка. Политология).

⁷ См.: Ги Эрмэ. Культура мира и демократия. М., 1994.

стараться прийти к политическому базовому консенсусу мирным путем. Для этого также необходимо периодически выслушивать отчеты руководителей разного ранга перед обществом. Это делает свободное общество более открытым и прозрачным, создает возможности права выбора и контроля властных структур, что способствует предотвращению развращения власти.

Поскольку современная Россия находится на промежуточной, переходной стадии своего развития, можно выделить находящиеся в ней элементы как тоталитарной, так и демократической культуры. В связи с этим можно говорить и о переходном характере современной политической культуры. В своем развитии будущая российская политическая культура будет вбирать в себя в основном черты политического цивилизованного консерватизма. Более того, следует выделить и такую черту, доставшуюся некоторым из нас от предыдущей тоталитарной системы, как отсутствие чувства социальной ответственности. Именно отсюда возникает у них неприятие таких категорий, как «частная собственность», «конкуренция», «социальное равенство» и др.

Нормальное функционирование гражданского общества всегда предполагает формирование такого индивида, чтобы его не сковывала корпоративная ответственность, не позволяла государству им манипулировать. Это требование является одним из условий демократизации общественных отношений. Свобода всегда являлась абсолютной ценностью в гражданском обществе. Свободное развитие человека как личности, как индивида предполагает создание определенных возможностей для раскрытия его потенциальных способностей, для раскрепощения частной инициативы. Задача государства состоит в том, чтобы этому содействовать, так как государство должно обслуживать

интересы человека. Право на свободу имеют все граждане общества, а не только преуспевающее меньшинство. Общество должно гарантировать не только равенство прав, но и равенство возможностей для всех граждан нашего государства. Гражданское общество должно предоставить и богатым, и бедным людям равные возможности для реализации своих возможностей без причинения ущерба тем слоям населения, которые не могут обеспечить себе достойное существование. Для этого отношения в гражданском обществе должны быть построены на принципах социальной справедливости.

Л.И. Якобсон объясняет глубинную связь гражданского общества с политической демократией. Процессы развития того и другого взаимно корреспондируют и поддерживают друг друга. Гражданское общество характеризуется свободной самоорганизацией за пределами традиционных сообществ, но эта самоорганизация нередко строится в том числе вокруг традиционных ценностей. Глубокая вовлеченность в социальную активность землячества или прихода, когда она не навязана окружением и обстоятельствами, а возникает в результате личного альтруистически мотивированного выбора, — не менее реальное проявление причастности гражданскому обществу, чем, например, правозащитная деятельность⁸.

Политическая демократия, не пройдя этапы зрелого своего становления, может вновь обратно повернуть общество к тоталитарному направлению своего предыдущего развития.

⁸ См.: Якобсон Л.И. Будущее гражданского общества: исследование и проектирование // Гражданское общество в России и за рубежом . 2011. № 1. С. 5.

Литература

1. Ги Эрмэ. Культура мира и демократия / Эрмэ Ги. М., 1994. 190 с.
2. Гриб В.В. Взаимодействия гражданского общества и органов государственной власти в социальной сфере / В.В. Гриб // Социальное и пенсионное право. 2010. № 4. С. 13–17.
3. Мельников В.Ю. Соблюдение прав человека в условиях построения гражданского общества / В.Ю. Мельников // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 6–11.
4. Саломатин А.Ю. Гражданское общество в условиях постмодернизационного развития / А.Ю. Саломатин // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 2–6.
5. Татьяна Д.В. Некоторые правовые и социальные последствия внедрения гражданского общества в российских условиях / Д.В. Татьяна // Гражданское общество в России и за рубежом . 2013. № 2. С. 20–22.
6. Сигалов К.Е. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен / К.Е. Сигалов // Гражданское общество в России и за рубежом . 2014. № 3. С. 3–7.
7. Фергюсон Адам. Опыт истории гражданского общества : пер. с англ. И.И. Мюрберг; под ред. М.А. Абрамова. М. : РОССПЭН, 2000. 389 с.
8. Якобсон Л.И. Будущее гражданского общества: исследование и проектирование // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 2–3.

Совершенствую законодательство России...

Антипов А.Н.*

Цель. Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина гарантируются государством, являются его конституционно закрепленной обязанностью. Данные гарантии заключаются в создании условий для их реализации и выработки эффективного механизма их защиты. **Методология.** Диалектика, абстрагирование, анализ, сравнительно-правовой метод, статистический метод, сравнительный метод, дедукция. **Выводы.** Во-первых, имеют место проблемы в вопросах защиты прав и свобод. Во-вторых, вступление России в Совет Европы и ратификация ею Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод сформировали правовую основу возможности обращения граждан России в Европейский суд по правам человека. В-третьих, как показывает практика, число подобных обращений значительно. В-четвертых, Европейский суд по правам человека по наиболее массовым нарушениям прав и свобод человека выносит так называемые «пилотные» постановления, указывая на системность и массовость нарушений, устанавливая некий мораторий на рассмотрение подобных дел, давая время государству-ответчику на устранение имеющихся нарушений. В-пятых, «пилотные» постановления Европейского суда по правам человека, а также иные могут стать основой совершенствования российского законодательства. В-шестых, совершенствование российского законодательства должно осуществляться с позиции экономической возможности, необходимости и целесообразности. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование развивает и уточняет существующие подходы к конвергенционно-дивергенционным процессам, проблемам имплементации, а также актуализирует необходимость совершенствования законодательства.

Ключевые слова: законодательство, ЕСПЧ, права и свободы, правовая защита, «пилотное» постановление, проблемы, жалобы, компенсация, совершенствование.

Improving Russian Legislation...

Antipov A.N.**

Purpose. Observance and protection of the rights and freedoms of man and citizen guaranteed by the state, is its constitutional duty. These guarantees are to create conditions for their implementation and an effective mechanism for their protection. **Methodology.** Dialectics, abstraction, analysis, comparative legal method, statistical method, comparative method and deduction. **Conclusions.** First, there are problems in the protection of rights and freedoms. Secondly, Russia's accession to the Council of Europe and ratification of her the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms formed the legal basis for the appeal of Russian citizens to the European court of human rights. Third, as practice shows, the number of such requests greatly. Fourthly, the European court of human rights on the most widespread violations of the rights and freedoms of a person shall, so-called "pilot" decision, pointing to the systematic and mass violations, establishing a moratorium on the consideration of such cases, giving the state the defendant to remedy the violations. Fifth, the pilot" decision of the European court of human rights, as well as other can be the basis for improvement of the Russian legislation. Sixthly, the improvement of Russian legislation must be done from a position of economic possibility, necessity and expediency. **Scientific and practical significance.** The study develops and refines existing approaches to convergence-divergence processes, problems of implementation, but also actualizes the need to improve legislation.

Key words: legislation, ECtHR, rights and freedoms, problems, improvement, legal protection, «pilot» decision, problem, compensation, improvement.

Совершенствование законодательства любого демократического, правового государства (Российская Федерация не является исключением) направлено на стабилизацию и упорядочивание общественных отношений и обусловлено как объективной необходимостью дальнейшего развития государства и права, так и потребностью устранения имеющихся проблем в правовом регулировании. Определенным ориентиром в данном направлении для России стало ее вступление в 1996 году в Совет Европы и ратификация в 1998 году Европейской конвенции о защите прав человека и ос-

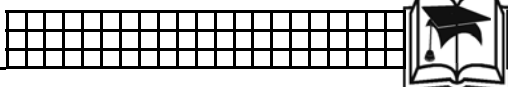
новных свобод. Данные изменения предполагали в том числе и приведение законодательства России в соответствие с международными стандартами¹.

Анализ законотворческой деятельности в Российской Федерации показывает, что только за период с 2012 по 2017 год изменения и дополнения вносились в Гражданский кодекс 74 раза (в среднем один раз в месяц), Уголовный кодекс 96 раз, Трудовой кодекс 61 раз,

¹ См.: Стремужов А.В. Международные стандарты прав человека: определение и классификация // Международное, публичное и частное право. 2014. № 5. С. 3–5.

* **АНТИПОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ**, ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук, доцент, Aleksant1@mail.ru

** **ANTIPOV ALEKSEY N.**, Leading Research Scientist of the Federal Government Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Уголовно-исполнительный кодекс 28 раз и т.д. Несмотря на принимаемые законодательные меры, приходится констатировать, что нередко закрепляемые нормы, а также механизм их реализации остаются на весьма невысоком уровне. Нечеткость изложения норм, отсутствие единообразных подходов обуславливают неоднозначность их интерпретации в процессе правоприменения, что приводит к возникновению неопределенности, неоднозначности, не способствует четкому разрешению складывающихся ситуаций, тем самым является фактором, оказывающим дестабилизирующее воздействие на эффективность функционирования государственных органов. Данные процессы осложняются и наличием необоснованных правовых лимитов и ограничений² в российском законодательстве, коррупционной составляющей, которой подвержены государственные органы и должностные лица.

В связи с этим реализация прав и законных интересов граждан, основанных на соблюдении принципов законности, объективности и справедливости, порой представляется весьма сомнительной. Определенный негативный отпечаток на происходящие процессы накладывает неразвитость в России органов, способных обеспечить проведение неких согласительных, примирительных процедур³, отсутствие четких критериев и показателей оценки деятельности того или иного государственного органа или должностного лица, контроля их деятельности и т.д.

В таких условиях, не находя реальной правовой защиты в стране, лица, чьи права оказываются нарушенными, иногда смиряются с существующим положением дел, иногда ищут помощь за ее пределами. Одной из таких инстанций при рассмотрении дел, связанных с нарушением прав и основных свобод человека, выступает Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ)⁴.

Значительный рост числа обращений в ЕСПЧ обусловил введение в практику инновационной процедуры вынесение, так называемых «пилотных» постановлений. В данных постановлениях наряду с констатацией

фактов нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года) (далее — Конвенция) указывается на системность существующих нарушений, причины их возникновения, особенно если выявленные нарушения приводят к однотипным жалобам, «жалобам-клонам», поступающим в ЕСПЧ.

Первым «пилотным» решением было постановление от 22 июня 2004 года по делу «Броневиски против Польши»⁵, в связи с которым ЕСПЧ приостанавливал рассмотрение подобного рода «жалоб» и определил время для устранения системных нарушений. В случае если государство-ответчик не примет надлежащих мер в разумные сроки, ЕСПЧ по своему усмотрению может возобновить производство по приостановленным делам.

Первым «пилотным» постановлением в отношении России было постановление по делу «Бурдов против России»⁶, которым ЕСПЧ в 2009 году потребовал в течение года законодательно урегулировать проблему компенсаций за судебную волокиту и неисполнение судебных решений, приостановив на время рассмотрение более 200 жалоб по таким делам.

Предпринимая попытку нормализовать сложившуюся ситуацию в России, в 2010 году был принят Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Необходимо отметить, что введением данного закона определенный результат был достигнут. Однако его несовершенство как в материальном, так и процессуальном плане не позволило даже минимизировать число обращений в ЕСПЧ. Жалобы, в том числе и «жалобы-клоны» против России, продолжают поступать в Европейский суд. В качестве основных причин можно указать: несоблюдение разумных сроков в судебном разбирательстве, досудебном расследовании, нередко «автоматическое» заключение под стражу в качестве меры пресечения по уголовным делам, нарушение процессуальных гарантий при избрании меры пресечения, условий содержания в следственных изоляторах и исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний.

² См.: Антипов А.Н., Первозванский В.Б., Голик Н.М., Кудряшов О.В. Лимиты и запреты в уголовно-исполнительном законодательстве России: постановка проблемы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 57–63.

³ См.: Антипов А.Н. Медиация: проблемы становления и развития // Российский судья. 2014. № 10. С. 4–6; Антипов А.Н., Антипов В.А. История возникновения и развития медиации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 23–25.

⁴ См.: The European court of human rights. http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c=#n1347956867932_pointer

⁵ Постановление Европейского суда по правам человека от 22 июня 2004 г. Дело «Брониовский против Польши» [Broniowski — Poland] (жалоба № 31443/96). URL: <http://base.garant.ru/55021810/#ixzz4o98RA734>

⁶ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 15 января 2009 г. Дело «Бурдов против России» [Burdov v. Russia] (жалоба № 33509/04). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12068507/#ixzz4o999tIGP>

Такого рода повторяющиеся и длящиеся нарушения Конвенции требуют от РФ принятия мер системного характера, направленных на качественное улучшение следственной, судебной и уголовно-исполнительной системы, надлежащее бюджетное финансирование по обеспечению исполнения судебных обязательств и по совершенствованию уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и механизма его реализации, а также создание условий для содержания осужденных приближенным к европейским стандартам. Кроме того, повышение эффективности контроля, в том числе и общественного, за деятельностью государственных органов исполнительной власти.

ЕСПЧ 10 января 2012 года вынес второе «пилотное» постановление по делу «Ананьев и другие против России» (жалобы № 42525/07 и 60800/08)⁷, обязав российские власти срочно принять меры к устранению отмеченных недостатков. На системную проблему массовых нарушений в России международных норм ЕСПЧ указал после вынесения 90 решений по таким жалобам, которые до сих пор полностью не исполнены. Рассмотрения в ЕСПЧ дождались более 250 аналогичных дел, приостанавливать слушания по которым ЕСПЧ был не намерен и жалобы заявителей по которым признаны приемлемыми.

ЕСПЧ в постановлении от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие заявители против России» указал на то (п. 221), что во всех случаях, когда нарушение ст. 3 Конвенции уже имело место, государство должно быть готово признать данное нарушение и предоставить потерпевшему лицу компенсацию в какой-либо форме. Введения лишь одного профилактического средства правовой защиты, по мнению ЕСПЧ, явно не достаточно для исправления ситуации, в которой данное лицо уже подвергалось бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в течение определенного времени. В национальном законодательстве должны присутствовать компенсационные средства правовой защиты. Государство-ответчик должно ввести в применение такое средство правовой защиты, которое может обеспечить предоставление компенсации за уже имевшее место нарушение. При определенных условиях, указывает далее ЕСПЧ, фор-

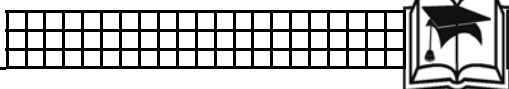
мой компенсации может быть смягчение наказания, представляемое обвиняемым в связи с нарушениями Конвенции, которые произошли во время привлечения их к уголовной ответственности (это относится к несоблюдению требования к разумному сроку, гарантированному п. 1 ст. 6 Конвенции, за нарушение п. 3 ст. 5 Конвенции, когда национальные власти не смогли должным образом рассмотреть дело заявителя, находящегося в учреждении предварительного заключения, за нарушение ст. 3 Конвенции, когда заявители подвергались бесчеловечному и унижающему достоинство обращению).

Полагаем, что с данным мнением ЕСПЧ вполне можно согласиться и рассмотреть возможность внесения в действующий УК РФ положений, предполагающих смягчение наказания (как форма компенсации) за нарушение Конвенции. Например, срок предварительного заключения может умножаться на определенные стандартные поправочные коэффициенты за вычетом соответствующего периода из общей продолжительности срока лишения свободы. Такие коэффициенты могут быть применены в результате нарушений прав при нахождении в следственном изоляторе («в бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство условиях»).

Целесообразно рассмотреть вопрос о принятии самостоятельной нормы закона, например, ст. 72.1 УК РФ, в которой предусмотреть предоставление компенсации в виде смягчения приговора за счет сокращения срока наказания. Также представляется возможным вынести на обсуждение предложение ЕСПЧ о необходимости пересмотра полномочий начальника следственного изолятора уголовно-исполнительной системы России в части наделяния его правом принятия решений по вопросам, связанным с приемом заключенных. Как известно, в настоящее время начальник следственного изолятора не имеет возможности отказать в приеме заключенного в случае переполненности изолятора (п. 206 постановления ЕСПЧ). В условиях уменьшения численности лиц, содержащихся под стражей, предлагаемая мера может оказаться невостребованной, однако введением данной нормы мы сделаем еще один шаг по повышению гарантий реализации прав и свобод человека.

Обозначенная ситуация и сформированные предложения не являются исчерпывающими. Они лишь еще раз обращают внимание на существующие проблемы.

⁷ См.: Дело «Ананьев и другие заявители против России» (жалобы № 42525/07 и 60800/08) 6 Постановление от 10 января 2012 г. // Российская юстиция. 2012. № 8. С. 68–78; № 9. С. 71–78; № 10. С. 69–78.

Необходимо понимать, что фактическая реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне, включение международно-правовых норм в национальную правовую систему при непродуманности и отсутствии надлежащего финансового обеспечения могут привести к еще большим негативным последствиям.

Серьезное внимание, как представляется, в данном вопросе надо уделить механизму реализации вводимых норм (правил, положений и т.д.), преломляя их в том числе и через призму российского менталитета. В итоге это может являться основой для рассмотрения такого концептуального вопроса, как пересмотр, а точнее, разработка единой уголовной политики государства.

Литература

1. Антипов А.Н. Медиация: проблемы становления и развития / А.Н. Антипов // Российский судья. 2014. № 10. С. 4–6.
2. Антипов А.Н. История возникновения и развития медиации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 23–25.
3. Антипов А.Н. Лимиты и запреты в уголовно-исполнительном законодательстве России: постановка проблемы / А.Н. Антипов, В.Б. Первозванский, Н.М. Голиков, О.В. Кудряшов // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 57–63.
4. Дело «Ананьев и другие заявители против России» (жалобы № 42525/07 и 60800/08) Постановление от 10 января 2012 г. // Российская юстиция. 2012. № 8. С. 68–78; № 9. С. 71–78; № 10. С. 69–78.
5. Постановление Европейского суда по правам человека от 22 июня 2004 г. Дело «Брониовский против Польши» [Broniowski — Poland] (жалоба № 31443/96). URL: <http://base.garant.ru/55021810/#ixzz4o98RA734>
6. Постановление Европейского суда по правам человека от 15 января 2009 г. Дело «Бурдов против России» [Burdov v. Russia] (жалоба № 33509/04). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12068507/#ixzz4o999tiGP>
7. Стремоухов А.В. Международные стандарты прав человека: определение и классификация / А.В. Стремоухов // Международное, публичное и частное право. 2014. № 5. С. 3–5.
8. The European court of human rights. URL: http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c=#n1347956867932_pointer

DOI: 10.18572/1813-1190-2017-10-36-41

Международные субъекты противодействия военным преступлениям

Степанов П.П.*

Цель. Изучить сложившуюся систему международных субъектов противодействия военным преступлениям, оценить роль и потенциал каждого из органов, входящих в систему.

Методология. Диалектика, исторический метод, анализ, синтез, дедукция, метод сравнительного правоведения, метод прогнозирования.

Выводы. Борьба с современными военными преступлениями — глобальная проблема, требующая адекватного реагирования международного сообщества. В систему органов по борьбе с военными преступлениями входят: Организация Объединённых Наций как ключевая универсальная организация; региональные международные организации (например, ОДКБ); различные органы международной уголовной юстиции; международные неправительственные организации (например, Международный комитет Красного Креста). При этом в деятельности каждого из выделенных субъектов противодействия есть преимущества и недостатки. В связи с этим эффективное противодействие военным преступлениям может осуществляться лишь комплексно, объединяя потенциал каждого из выделенных субъектов.

Научная и практическая значимость. В результате проведённого анализа установлено, что в настоящий момент существует целый ряд органов различного уровня, как международные правительственные, так и международные неправительственные организации, обладающих высоким потенциалом для борьбы с военными преступлениями. Кроме того, приведена оценка практических шагов, предпринимаемых международными субъектами по противодействию военным преступлениям.

Выводы исследования могут быть использованы как при формировании рекомендаций по совершенствованию отечественного механизма противодействия военным преступлениям, так и при выработке позиции Российской Федерации по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, военные преступления, международные преступления, меры противодействия, субъекты противодействия, международная юстиция, гибридные суды, интернационализированные суды, R2P, коллективная безопасность, гуманитарное право.

International Subjects of Countering Military Crimes

Stepanov P.P.**

Goal. To study the existing system of international actors for countering war crimes, to assess the role and potential of each of the bodies that make up the system.

Methodology. Dialectics, historical method, analysis, synthesis, deduction, method of comparative law, forecasting method.

Conclusions. Prevention of the modern war crimes is a global problem which requires an effective response from the international community. The system of bodies for combating war crimes includes: the United Nations Organization as a key universal organization; Regional international organizations (for example, CSTO); Various bodies of international criminal justice; International non-governmental organizations (for example, the International Committee of the Red Cross). At the same time, the advantages and disadvantages are highlighted in the activities of each of the identified actors. In this regard, effective counteraction to war crimes can be carried out only in a complex way, combining the potential of each of the identified entities.

Scientific and practical significance. As a result of the conducted analysis, it is established that at the moment there are a number of bodies at various levels, both international governmental and international nongovernmental organizations with a high potential for combating war crimes. In addition, an assessment is made of the theoretical and practical steps taken by international actors.

The conclusions of the study can be used to formulate recommendations for improving the domestic mechanism for war crimes prevention and for developing the position of the Russian Federation on the issue.

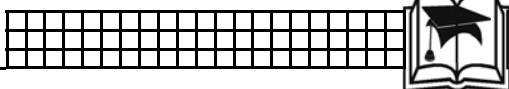
Key words: armed conflict, war crimes, international crimes, subjects of prevention, international justice, hybrid courts, international justice, Internationalized courts, R2P, collective security, humanitarian law.

Как известно, международные организации создавались и продолжают создаваться государствами для совместного решения глобальных проблем. Сущность некоторых глобальных проблем заключается в том, что

государства не способны решить их в одиночку, самостоятельно. Представляется, что проблема вооруженных конфликтов и нарушений гуманитарного права, которые совершаются в ходе конфликтов, особенно в

* **СТЕПАНОВ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ**, ассистент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова, pavel@stepanov.law

** **STEPANOV PAVEL P.**, Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)

свете последних событий в Сирии и на Ближнем Востоке в целом, является наиболее ярким примером того, что глобальные проблемы невозможно решить одной, пусть даже самой мощной державе.

Организация Объединенных Наций (ООН)

На Всемирном саммите 2005 г. государства — члены ООН признали, что геноцид, преступления против человечности, а также военные преступления являются настолько опасными преступлениями, что население нуждается в коллективной международной ответственности по защите («responsibility to protect») от этих деяний¹. В этой связи международное сообщество, действуя через ООН, приняло на себя обязательство использовать дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства для защиты населения от международных и, в частности, военных преступлений. Кроме того, государства договорились поддерживать усилия ООН для создания возможностей раннего предупреждения этих деяний.

В этой связи следует отметить, что концепция «ответственность по защите», появившаяся в конце XX — начале XXI вв., исходит из идеи, что государственный суверенитет — это не только право, но и обязанность государства защищать свое население от международных преступлений. При этом государство ответственно не только перед своим населением, но и перед мировым сообществом.

По мнению исследователей, именно последнее обстоятельство порождает массу противоречий, так как может служить формальным основанием для внешне-го (в том числе военного) вмешательства во внутренние дела государств, о чем свидетельствуют примеры вмешательства во внутренние дела государств в ходе так называемой «арабской весны». Аналогичные опасения высказывались на самом высоком официальном уровне. В частности, по мнению официального представителя Индии в ООН, действия НАТО в Ливии подтвердили опасения мирового сообщества, касающиеся концепции ответственности государства за невозможность решения собственных проблем². Аналогичные действия стали поводом для развития концепции «от-

ветственность во время защиты» (responsibility while protect), дискуссию о которой инициировали представители Бразилии³.

При этом обязанность членом международного сообщества пресекать массовые нарушения прав человека нельзя признать новацией в международном праве и практике международных отношений. Как отмечает М.В. Кривенкова, эта обязанность лежала в основе концепции гуманитарной интервенции, которая была дискредитирована тем, что ей прикрывались цели, не связанные с защитой прав человека (например, могли преследоваться такие цели, как смена действующего политического режима, геополитический передел мира и иное оправдание необходимости вмешательства во внутренние дела других независимых государств)⁴.

В то же время реализацию компонентов концепции «ответственности за защиту», не связанных с применением силовых мер, следует оценить исключительно позитивно. Речь идет о развитии системы раннего предупреждения преступлений, формировании межгосударственных структур, специализирующихся на противодействии международным и, в частности, военным преступлениям.

Таким образом, в XXI в. мировое сообщество продолжает подчеркивать универсальный характер проблематики противодействия военным преступлениям. Организация Объединенных Наций является главным межправительственным учреждением, предназначенным для решения проблем, вызывающих обеспокоенность всего мирового сообщества.

Говоря о борьбе с военными преступлениями, необходимо отметить, что в структуре ООН существует несколько подразделений, к функциям которых, так или иначе, можно отнести предупреждение военных преступлений. В первую очередь речь идет о Совете Безопасности ООН. Как известно, главная задача Совета — поддержка мира и безопасности, урегулирование любых споров и ситуаций, которые могут привести к международным конфликтам. Решения, связанные с принуждением или военным вмешательством, введением экономических санкций или различных эмбарго, развертыванием миротворческих операций, а также направлением дела для разбирательства в Междуна-

¹ См.: Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16.09.2015 № 60/1 Doc. A/RES/60/1. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005

² См.: Постоянная миссия Индии при ООН, «Statement by India at the Informal Interactive Dialogue on the Report of the Secretary-General on Responsibility to Protect: State Responsibility and Prevention». URL: <http://responsibilitytoprotect.org/India>

³ UN Security Council, «Letter dated 9 November 2011 from the Permanent Representative of Brazil to the United Nations addressed to the Secretary-General». URL: http://www.globalr2p.org/media/files/concept-paper-_rwp.pdf.

⁴ См.: Кривенкова М.В. Некоторые вопросы, связанные с применением концепции ответственности государств за защиту // Военно-юридический журнал. 2013. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

родный уголовный суд, относятся к компетенции данного органа⁵.

Кроме Совета Безопасности ключевую роль в деятельности по предупреждению военных преступлений играет Генеральный секретарь ООН и его Секретариат. Она заключается в том, что именно Генеральный секретарь доводит до сведения Совета Безопасности информацию о проблемах, угрожающих миру и безопасности, а также предлагает меры, которые, по его мнению, могут способствовать разрешению проблемы. Примером целенаправленных действий Генерального секретаря по противодействию военным преступлениям может служить работа бывшего Генерального секретаря К. Аннана по закреплению вышеупомянутой концепции «ответственности по защите» в международных отношениях. Следующий Генеральный секретарь, Пан Ги Мун, впоследствии поддержал эту концепцию, выделив три компонента по ее реализации⁶. Первый компонент — закрепление обязанности государства защищать свое население от геноцида, преступлений против человечности, этнических чисток, а также военных преступлений. Второй компонент — сотрудничество международного сообщества с государствами для оказания содействия в выполнении этой обязанности. Третий компонент, который выделил Генеральный секретарь, — это обязанность государств — членов ООН предпринимать заблаговременные меры, а при их неэффективности или недостаточности — меры, предусмотренные VI, VII и VIII главами Устава ООН.

При этом Секретариат зачастую играет ключевую роль в реализации невоенных мер урегулирования конфликтов, а также превентивной дипломатии.

Здесь же следует отметить работу Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, Управления по вопросам разоружения, Управления по координации гуманитарной деятельности. Все эти управления входят в структуру Секретариата ООН, что подчеркивает его ключевую роль.

В рамках ООН функционируют также структурные подразделения, которые занимаются мониторингом исполнения и соблюдения обязательств, вытекающих как из норм международного гуманитарного права и

разоружения (например, Организация по запрещению химического оружия), так и из международных договоров в области соблюдения прав человека, которые также могут нарушаться во время вооруженных конфликтов или в связи с ним (например, этим занимается Комитет ООН против пыток).

В структуру ООН входят организации, которые можно отнести к специализированным органам противодействия военным преступлениям. Так, Департамент операций по поддержанию мира ООН осуществляет функции по обеспечению согласованности усилий ООН, правительственных и неправительственных субъектов при проведении миротворческих операций, подготавливает руководящие указания и оказывает поддержку по вопросам деятельности воинских контингентов ООН, работ по разминированию и другим смежным вопросам.

Как уже указывалось выше, в содержание мер противодействия входит также ликвидация последствий совершенных преступлений. В рамках ООН функционируют и такие подразделения, функции которых прямо относятся к минимизации последствий бедствий, связанных с вооруженными конфликтами. В этой связи хотелось бы отметить роль Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международного детского чрезвычайного фонда ООН (ЮНИСЕФ), Управления ООН по координации гуманитарной деятельности.

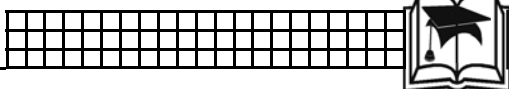
Говоря про такую универсальную организацию, как ООН, нельзя не отметить критику в адрес Совета Безопасности. Все чаще в международно-правовой доктрине звучат тезисы о «кризисе ООН». Между тем тот потенциал, которым обладает эта организация, ее универсальный, всеобъемлющий характер позволяет заключить, что деятельность организации является ключевой как в деле предупреждения и самих вооруженных конфликтов, и военных преступлений, так и в деле минимизации последствий этих негативных явлений.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)

Помимо универсальной международной организации существуют и региональные организации. Представляется, что наиболее актуальным в рамках настоящего исследования является рассмотрение роли организации, участницей которой является Российская Федерация и цель которой заключается в организации коллективной безопасности, в том числе от вооружен-

⁵ См.: Устав Организации Объединенных Наций : принят в Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С.14–47.

⁶ См.: Доклад Генерального Секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать» A/63/677. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf?OpenElement>

ных конфликтов. Организация Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ) является региональной международной организацией, целями деятельности которой объявлены «укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам»⁷.

Согласно ст. 7 Устава ОДКБ государства-члены для достижения поставленных целей принимают совместные меры к формированию в ее рамках действенной системы коллективной безопасности, обеспечивающей коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету стран, реализацию права на коллективную оборону, включая создание коалиционных (коллективных) сил Организации, региональных (объединенных) группировок войск (сил), миротворческих сил, объединенных систем и органов управления ими, военной инфраструктуры. Государства-члены также взаимодействуют в сферах военно-технического (военно-экономического) сотрудничества, обеспечения вооруженных сил, правоохранительных органов и специальных служб необходимыми вооружением, военной, специальной техникой и специальными средствами, подготовки военных кадров и специалистов для национальных вооруженных сил, специальных служб и правоохранительных органов.

Исходя из того, что государства-члены взаимодействуют в рамках военного и военно-технического сотрудничества, координация усилий по соблюдению норм международного гуманитарного права является приоритетным направлением деятельности этой организации. На практике это выражается в том, что в рамках совместных учений войск стран-участниц помимо военных маневров проводятся занятия с личным составом по международному гуманитарному праву⁸.

Кроме того, ОДКБ активно сотрудничает с Международным комитетом Красного Креста по вопросам

применения норм гуманитарного права и двустороннего взаимодействия в рамках совместных учений⁹.

Перспективное развитие сотрудничества государств — членов ОДКБ по противодействию военным преступлениям видится прежде всего в учреждении в рамках Организации специального органа для мониторинга совершения военных преступлений (в ситуации участия совместных войск ОДКБ в вооруженном конфликте), их прогнозирования и возможностей по их предупреждению, фиксации фактов совершения таких деяний, работы с личным составом войск, включая их правовую подготовку по международному гуманитарному праву, а также их психологическую подготовку и обучение практическим навыкам, как себя вести в местах совершения военных преступлений.

Органы международного уголовного правосудия

Следует отметить, что помимо международных организаций к субъектам противодействия военных преступлений относятся органы международной уголовной юстиции. Современное международное уголовное правосудие по делам о военных преступлениях осуществляется в различных органах.

Помимо Международного уголовного суда, судебных органов, учрежденных Советом Безопасности ООН, т.е. международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде (трибуналы *ad hoc*), к ним относятся смешанные (гибридные) судебные органы. Последние могут быть как созданы на основе международных соглашений суверенных государств с ООН, как, например, Специальный суд по Сьерра-Леоне, так и формироваться ООН на территории государств, в которых проводятся миротворческие операции.

Кроме того, к органам международной уголовной юстиции принято относить и интернационализованные суды, существующие в рамках национального правового порядка, однако, к юрисдикции которых отнесено рассмотрение уголовных дел по делам о военных и иных международных преступлениях и в деятельности которых принимают участие международные судьи.

Как и внутригосударственное уголовное судопроизводство по делам о военных преступлениях международная уголовная юстиция имеет свои преимущества и недостатки. Международная уголовная юстиция явля-

⁷ Статья 3 Устава Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г.; Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. (с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года, подписанным 10 декабря 2010 г.) // Официальный интернет-портал ОДКБ [Интернет-ресурс] URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124

⁸ См.: Замысел учений ОДКБ «Нерушимое братство-2017» // Официальный интернет-портал ОДКБ [Интернет-ресурс] URL: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=9624&SECTION_ID=222&sphrase_id=23233

⁹ Резолюция Координационного совещания (Штабной конференции) между ОДКБ и МККК на высоком уровне от 29 июня 2016 г. // Официальный интернет-портал МККК. URL: https://www.icrc.org/ru/download/file/24339/2016_csto_icrc_resolution.pdf

ется наиболее адекватным и, наверное, единственным возможным ответом на военные преступления. Международное судопроизводство имеет больше ресурсов для проведения тщательного расследования (особенно в условиях вооруженного конфликта и постконфликтной обстановке). В основе идеи международного уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях лежит беспристрастность, которую не всегда могут обеспечить национальные судебные органы (особенно когда военные преступления совершаются в рамках плана или преступной политики государства). Международные уголовные процессы гораздо медленнее внутригосударственных, а содержание органов международной уголовной юстиции очень затратно. Кроме того, в некоторых случаях органы международной уголовной юстиции также могут быть подвержены политическим манипуляциям, которые в конечном счете могут привести к практике «двойных стандартов», ослабить превентивную функцию уголовного правосудия и усугубить противоречия, которые привели к вооруженному конфликту.

Для эффективной реализации международного уголовного правосудия требуется сотрудничество и содействие суверенных государств. Опыт работы двух трибуналов *ad hoc*, созданных Советом Безопасности ООН, показал, что точки соприкосновения суверенных государств и трибуналов чаще всего связаны с предоставлением суверенными государствами доказательств совершения военных преступлений, помощью в аресте подозреваемых, разрешением следователям ООН проводить следственные действия на своей территории. Таким образом, государства могут либо оказывать содействие органам международной уголовной юстиции, либо противодействовать их деятельности. Так, например, Правительство Руанды угрожало приостановить сотрудничество с Международным трибуналом по Руанде в случае, если Трибунал продолжит расследование в отношении членов Руандийского патриотического фронта. В дальнейшем данный факт явился дополнительным поводом для критики Международного трибунала по Руанде в предвзятости.¹⁰

Таким образом, международное уголовное правосудие также подвержено политическому влиянию. Между тем оно выполняет важнейшую роль в обеспечении законности, стимулирует соблюдение междуна-

родного гуманитарного права, а также выполняет функцию предупреждения совершения военных преступлений в будущем.

Представляется, что такая форма институциональной организации органа международной юстиции, как интернационализированный суд, который сочетает в себе компоненты национального и международного правосудия, позволяет избежать вышеупомянутых проблем. Учреждение таких органов является последней тенденцией современной системы международного уголовного правосудия.

Международный комитет Красного Креста (МККК)

К субъектам противодействия военным преступлениям по роду их деятельности и провозглашенным целям можно отнести также и международные неправительственные организации (далее — МНПО).

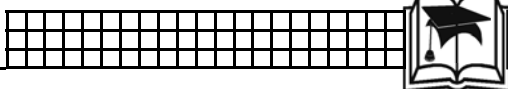
МНПО — это разновидность международных организаций, которые представляют собой нетерриториальные образования, отвечающие трем критериям: 1) международный характер состава и целей; 2) частный характер учредительства; 3) добровольный характер деятельности¹¹.

И хотя, по мнению некоторых исследователей, Международный комитет Красного Креста нельзя в полной мере отнести к МНПО, роль МККК в пропаганде соблюдения норм международного гуманитарного права, защите жизни лиц, не принимающих участие в вооруженном конфликте, а также предотвращении негативных последствий вооруженных конфликтов и военных преступлений, трудно переоценить.

Деятельность Комитета осуществляется по двум основным направлениям: 1) оперативная, т.е. оказание помощи жертвам вооруженных конфликтов; 2) развитие международного гуманитарного права и гуманитарных принципов, а также распространение знаний и информации о них. Помимо этого МККК занимается превентивной деятельностью, которая выражается прежде всего в разъяснении всем сторонам вооруженного конфликта требования тех норм, несоблюдение которых является военным преступлением согласно нормам международного права. В повседневной работе Комитет реагирует на нарушения норм гуманитарного права,

¹⁰ См.: Peskin V. *International Justice in Rwanda and Balkans: Virtual Trials and the Struggle for State Cooperation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 161–163.

¹¹ См.: Белон Ф. Миссия, особенности и деятельность МККК // Современные аспекты гуманитарных операций при чрезвычайных ситуациях и вооруженных конфликтах : матер. XIV Междунар. научн.-практ. конф. по проблемам защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций. 20 мая 2009 г. М., 2009. С. 36.

однако редко выступает с публичными заявлениями об осуждении нарушителей.

МККК взаимодействует с государствами по вопросам введения в действие законодательства, запрещающего действия, которые определяются как военные преступления.

Как указывает глава регионального отделения МККК в России, Беларуси и Молдове Ф. Белон, «государства вменили в обязанность МККК осуществление мониторинга неукоснительного соблюдения международного гуманитарного права»¹².

¹² См.: Белон Ф. Миссия, особенности и деятельность МККК // Современные аспекты гуманитарных операций при чрезвычайных ситуациях и вооруженных конфликтах : матер. XIV Междунар. научн.-практ. конф. по проблемам защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций. 20 мая 2009 г. М., 2009. С. 36.

Следует отметить, что сферы деятельности Комитета настолько разнообразны и обширны, что их исследованию посвящаются самостоятельные исследования. Однако описанные выше особый статус Комитета, комплексный характер его деятельности, направленный на предотвращение вооруженных конфликтов и нарушений международного гуманитарного права, позволяют сделать вывод, что МККК является уникальным, самостоятельным субъектом противодействия военным преступлениям.

Конечно, противодействие преступности не является основной задачей и функцией Комитета. Однако по характеру и направлениям деятельности следует признать, что МККК осуществляет меры по раннему предупредительному воздействию на некоторые детерминанты военных преступлений, а также по ликвидации негативных последствий их совершения.

Литература

1. Evans G. The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes and For All. Washington, D.C.: Brookings Institutions Press. 349 p.
2. Бекашев К.А. Сможет ли глобализация изменить международное право? / К.А. Бекашев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 6. С. 38–53.
3. Герасименко Д.С. Доктрина «R2P» в межгосударственных отношениях: от событий в Грузии до Крыма / Д.С. Герасименко // Молодой ученый. 2016. № 2(29). С. 188–193.
4. Каюмова А.Р. Смешанные (гибридные) уголовные трибуналы и интернационализированные суды в системе международной уголовной юстиции : учебн. пособие / А.Р. Каюмова. Казань, 2008. 65 с.
5. Никитин А.И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики / А.И. Никитин // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 3. С. 16–26.
6. Семенова Е.С. К вопросу о международной правосубъектности Международного комитета Красного Креста / Е.С. Семенова // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 412–418.
7. Тихонов И.М. Актуальный вопрос международного права: концепция «Responsibility to Protect» // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 7. С. 203–210.

DOI: 10.18572/1813-1190-2017-10-42-47

Правовое значение принципов развития информационного общества в России

Рыбаков О.Ю.*

Цель. Исследование правового значения принципов, которые лежат в основе формирования новой модели информационного общества в России, а также обеспечения реализации цели Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, состоящей в создании условий для формирования в Российской Федерации общества знаний.

Методология. В работе использованы общенаучные методы познания — анализа и синтеза, позволившие установить внутренние связи между отдельными принципами и их концептуальным выражением в стратегических документах и нормативных правовых актах. Сравнительно-правовой частнонаучный метод способствовал сравнению принципов, закрепленных в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, и принципов, содержащихся в иных документах.

Выводы. Предложено дальнейшее систематическое изучение действующих нормативных правовых актов, документов стратегического значения применительно к реализации принципов развития информационного общества в России для оценки правового значения и правового обеспечения данных принципов. Правовое значение принципов выражается в создании правового механизма развития информационного общества. Актуальность соблюдения принципов выражается в возможности концептуального развития российского общества как общества знаний.

Научная и практическая значимость. Последовательно рассмотрены принципы развития информационного общества в соотношении с Конституцией РФ, нормативными правовыми актами, действующими в сфере информационных отношений. Показано, что принципы конституируют новую модель информационного общества и стратегические направления движения к обществу знаний. Представлено авторское понимание «принципов применения нормативного правового акта», разграничения понятий «информация» и «знания».

Ключевые слова: принципы права, принципы развития, информационное право, информационное общество, общество знаний, стратегия развития, информационная безопасность, правовое значение, информационные правоотношения.

Legal Value of The Principles of Information Society Development in Russia

Rybakov O.Ju.**

Purpose. The complex analyses of the legal value of the principles of information society development in Russia. The article examines the basic principles of the new model of information society forming, as well as providing the “Strategy of information society of the Russian Federation for 2017-2030” realization. **Methodology.** The author uses the general scientific methods of enquiry of analysis and synthesis method which allowed establishing the connection between some principles and its conceptual expression in the strategy documents and law acts. The comparative legal method allowed matching the principles fixed in the “Strategy of information society of the Russian Federation for 2017-2030” with those in other documents. **Conclusions.** The author comes to the conclusion of further systematic examination of law acts if force and other strategic documents in respect to realization of information society development principles. The legal value of the principles results in creating legal mechanism of information society development. The relevance of the principles compliance is capability of information society development into the society of knowledge.

Scientific and practical significance. The article consists in complex analyses of the legal value of the principles of information society development in Russia which are based on the Constitution of the Russian Federation, a number of other acts in the sphere of information relations. The author gives a definition of “principle of the law act”, “information” and “knowledge”.

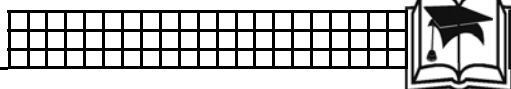
Key words: principles of law, principles of development, information law, information society, society of knowledge, strategy of development, information security, legal value, information relationship

Вопрос о принципах относится к числу ключевых как нормотворческих, так и доктринальных вопросов правоведения и юридической деятельности. Безусловно, он коррелирует с такими базовыми теоретически-

ми, методологическими и аксиологическими основаниями речевого и текстуального оборота юридической науки и практики, как предмет, метод, субъект, институт, цель, средства и др. Поэтому обоснование и ис-

* **РЫБАКОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ**, и.о. заведующего отделом теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, ryb.oleg13@yandex.ru

** **RYBAKOV OLEG JU.**, Acting Head of the Department of Theory of Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor

пользование принципов есть один из исходных пунктов научного развития отрасли права и законодательства.

Как известно, принцип понимается в качестве основополагающей идеи, основания, исходного положения, что весьма сложно дополнить принципиально новыми научно значимыми коррективами. Однако наряду с общеизвестным пониманием «принципа» предложим его трактовку в контексте нормотворчества. Принципы применения нормативного правового акта — это совокупность идей и основных ценностно-целевых установок его назначения и реализации.

В условиях движения России по пути развития информационного общества невозможно уйти от решения вопроса создания его теоретической модели. Это порождает комплекс параметров такой модели, среди которых принципы правового обеспечения развития информационного общества представляются ключевыми. В существующих нормативных правовых актах, стратегических документах, посвященных информационному развитию России, правовому обеспечению и регулированию отношений в сфере информации содержатся принципы. Отметим при этом, что в одних случаях речь идет о принципах правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, в других — о принципах, которые отражают стратегию развития информационного общества в РФ, об основных принципах государственной политики в сфере региональной информатизации.

В пункте 5 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (далее — Стратегия 2017–2030)¹ перечислены международные правовые документы (Окинавская хартия глобального информационного общества (2000 год), Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» (2003 год), План действий Тунисского обязательства (2005 год)), которые определяют национальные принципы и подходы в данной сфере правоотношений в соответствии с международными обязательствами Российского государства.

По существу, в современных условиях определены основные принципы формирования и развития информационного общества как актуального направления цивилизованного движения современных стран. Выде-

ляются также два самостоятельных вида правовой политики в информационной сфере — информационная правовая политика и коммуникационная правовая политика, базирующиеся на определенных принципах, хотя специально не закрепленных в законодательстве, но имеющих доктринальное правовое значение [1]. В то же время сама правовая политика имеет значение как управленческо-организационное средство повышения эффективности правового регулирования информационных отношений, а правовая информация является собой обязательное условие формирования и реализации информационной правовой политики [2].

Проблема правового обеспечения развития информационного общества в РФ имеет несколько аспектов, среди которых информационная безопасность представляется доминирующей. В условиях взаимодействия международного и национального законодательства в области информационных отношений информация как сложное явление не вмещается в общепринятые понятия «территория», «граница», «пространство». Принципам правового обеспечения информационной безопасности посвящаются работы, в которых отмечается актуальность изучения «принципов правового обеспечения информационной безопасности в различных аспектах (по сфере их распространения, характеру, функциональному назначению и объекту отображения, по нормативному закреплению, способу выражения в источниках права)» [3, с. 39]. Наряду с информационной безопасностью в сфере правового обеспечения развития информационного общества появляются усложняющиеся вопросы статуса Интернета, интернет-технологий, всего комплекса увеличивающегося количества проблем, связанных с телекоммуникативными аспектами получения, распространения и использования информации. Как справедливо отмечается в научных исследованиях, «использование интернет-технологий ставит перед юридической наукой вопросы о том, требуют ли складывающиеся отношения правового регулирования, возможно ли применение существующих «традиционных» норм права, может ли право реально воздействовать на эти отношения. При положительном ответе на эти вопросы законодателю следует проводить активную работу по разработке адекватного понятийного аппарата, без которого правоприменение не может быть качественным и единообразным» [4, с. 108]. На концептуальном уровне встают вопросы места, роли, увеличивающегося значения информационного права как в России, так и в совре-

¹ См.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901 (п. 3).

менном мире, что опять же прямо детерминировано одним из магистральных направлений движения человечества по пути прогресса. И.Л. Бачило совершенно точно отмечает, что «информатика и информационное право позволяют по-новому взглянуть на коммуникационные процессы, которые не только имеют инфокоммуникационную технологическую горизонталь, но и основаны на понимании глубины исторически достигаемого ресурса знаний, позволяют проследить виртуальную (познавательную) основу связи прошлого, настоящего и парадигм развития в предполагаемом будущем» [5, с. 39].

Принципы информационного права отражены в публикациях [6, с. 8; 7] фундаментальной учебной литературы². Вместе с тем принципы информационного права, принципы правового обеспечения информационной безопасности, принципы развития информационного общества и принципы правового обеспечения развития информационного общества не тождественны, ибо не могут быть таковыми в силу предметной области отношений, которую они изначально конституируют.

Пункт 3 Стратегии 2017–2030 содержит ее основные принципы:

- а) обеспечение прав граждан на доступ к информации;
- б) обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией;
- в) сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг;
- г) приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий;
- д) обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях;
- е) обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере.

Рассмотрим каждый из этих принципов. Обеспечение прав граждан на доступ к информации (подпункт «а») есть основополагающее условие и концептуальная идея развития информационного общества. С данным принципом коррелируют и, по сути, обеспечивают на законодательном уровне его действенность и действи-

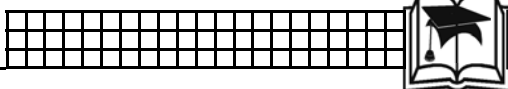
тельность два принципа, закрепленных в статье 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ (далее — Закон «Об информации»). А именно, принцип свободы поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом и принцип установления ограничений доступа к информации только федеральными законами.

Субъект поиска, получения, передачи, производства и распространения информации имеет актуальную возможность осуществить все пять действий, не затрагивая и не нарушая права иных субъектов в области информационных отношений. Каждое из действий весьма отличается от других. Но их объединяет норма Конституции РФ, закрепляющая в статье 29 (части 2 и 3) право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется специальным федеральным законом. Конституция РФ не устанавливает никаких иных ограничений, кроме соблюдения законности способа совершения указанных действий. Конституционная норма-принцип стала, что вполне очевидно, основополагающей для нормотворчества.

Следующим принципом Стратегии 2017–2030 является обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией (подпункт «б»). Здесь следует подчеркнуть, что, как отмечается в пункте 20, целью Стратегии 2017–2030 является создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний. В подпункте «л» пункта 4 дано определение понятия «общество знаний». Это общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Акцент в данном определении сделан на преобладающем значении получения, сохранения, производства и распространения достоверной информации как условий развития гражданина, экономики и государства. «Гражданин», «экономика» и «государство» поставлены в один последовательный аксиологический ряд. Иными словами, от успехов освоения информации зависит развитие экономики и государства применитель-

² См.: Бачило И.Л. Информационное право : учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. С. 77–83. Серия : Авторский учебник.

³ См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448 (ст.3).

но к обществу знаний. Обратим внимание, что общество знаний, исходя из содержащегося в документе определения, базируется на конституционном принципе и принципе, содержащемся в Законе «Об информации», но имеет некоторые отличия. Так, применительно к обществу знаний речь идет о получении, сохранении, производстве и распространении информации. «Поиск» и «передача» не входят в характеристики значения информации в обществе знаний. Вместе с тем отмечено «сохранение» как элемент действия с информацией в обществе знаний. «Сохранение» информации не предусмотрено Конституцией РФ и Законом «Об информации».

Свобода выбора средств получения знаний при работе с информацией как принцип может быть реализована при наличии нормативно установленных гарантий таких средств и их альтернативности, вариантности. Здесь необходимо соотнести понятия «знания» и «информация», так как речь в рассматриваемом принципе идет именно о средствах получения знаний. И.Л. Бачило отмечает, что «информация — это воспринимаемая и понимаемая человеком характеристика окружающего мира во всем его разнообразии, которая возникает в процессе познания последнего и позволяет на основе познания и измерения свойств предметов, явлений, процессов, фактов и отражения их в различных формах восприятия отличать их признаки, элементы, значения и устанавливать связи и зависимости всего многообразия проявления материального, духовного, идеологического мира». «Совокупность информации о чем-либо конкретном формирует еще один феномен — знания. Его специфика — в переходе от объективной формы выражения информационного ресурса к субъективному восприятию. Знания могут быть выражены объективно, материально (библиотеки, архивы, рукописи, книги, документы) или субъективно (знания определенного субъекта о чем-либо)»⁴. Таким образом, понятие «знания» не тождественно понятию «информация», с чем сложно не согласиться.

По нашему мнению, информация — это обусловленные бытием человека сведения об окружающей действительности, изменяющиеся в процессе жизнедеятельности человека. В объективном смысле знания представляют классифицированную совокупность информации, предлагаемую их носителем в соответствии с определенным алгоритмом и целями позна-

ния. Знания в субъективном смысле — это индивидуально отраженные формы и виды информации в сознании субъекта.

Итак, рассматриваемый принцип предполагает как наличие средств получения знаний, так и возможностей «работы с информацией». В данном случае «работа» понимается широко и не уточняются ее формы. Новизна принципа состоит в обращении к термину «средства получения знаний».

Следующий принцип (подпункт «в») — сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг — является новым. Он не определяет приоритетности или вторичности форм получения товаров и услуг. Более того, подчеркнута традиционность и привычность форм получения товаров и услуг. Если в предыдущем принципе речь шла о средствах получения знаний, то в данном принципе фиксируется термин «формы получения товаров и услуг». Развитие информационного общества в любом случае есть достаточно длительный процесс. Исходя из самого названия документа — это период до 2030 года. Соответственно необходим переходный адаптационный период, в ходе которого большинство субъектов, действующих в информационном пространстве России, сможет в равной мере использовать как привычные, так новые, цифровые формы получения товаров и услуг. Поддержка традиционных средств распространения информации (подпункт «у» пункта 26) и поддержка инфраструктуры традиционных услуг связи (подпункт «е» пункта 32) также находят свое закрепление в Стратегии 2017–2030. В соответствии с пунктом 25 данного документа формирование информационного пространства знаний происходит в том числе путем поддержки традиционных (отличных от доступных с использованием сети Интернет) форм распространения знаний. Следует сделать уточнение. Соотношение «традиционных» и «цифровых» средств, форм и т.д. объясняется уровнем и удобностью использования, хранения, переработки, распространения информации, степенью ее доступности для всех субъектов информационных отношений, которыми в современных условиях становится большинство людей. Эволюция и скачки в научно-техническом продвижении общества способствуют трансформации привычных понятий. Радио и телевидение в период их появления также оценивались как инновационные по существу, даже без использования данного термина — в настоящее время это традиционные средства распространения информации. Такая ныне тради-

⁴ Бачило И.Л. Информационное право : учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. С. 25.

ционная услуга, как электросвязь, в период своего становления изменила принципиально уровень, скорость взаимодействия сообщающихся акторов информационных отношений.

Такой принцип, как приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий (подпункт «г»), связывает социокультурную среду, носителя духовных ценностей, характеристику его поведения в соотношении с ИКТ (информационно-коммуникативные технологии).

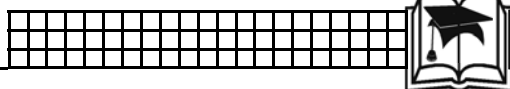
Заметим, что слово «традиционность» в самых различных употреблениях свойственна Стратегии 2017–2030. Вероятно, в очередной раз есть смысл подчеркнуть заботу документа о необходимости преодоления различий в осмыслении значения и использования алгоритма действий в цифровую наступающую эпоху при формировании условий для этого в информационном обществе. В связи с этим в документе в пункте 19 отмечается, что российское общество заинтересовано в получении информации, соответствующей высокому интеллектуальному и культурному уровню развития граждан России. В пункте 26 (подпункты «а»; «б»; «в»; «к»; «л») отмечается, что для формирования информационного пространства знаний необходимо: проводить мероприятия в области духовно-нравственного воспитания граждан, по сохранению культуры и общероссийской идентичности народов Российской Федерации; реализовать просветительские проекты, направленные на обеспечение доступа к знаниям, достижениям современной науки и культуры; создать условия для популяризации русской культуры и науки за рубежом, в том числе для противодействия попыткам искажения и фальсификации исторических и других фактов; установить устойчивые культурные и образовательные связи с проживающими за рубежом соотечественниками, иностранными гражданами и лицами без гражданства, являющимися носителями русского языка, в том числе на основе информационных и коммуникационных технологий. По существу тезисно, но многопланово определены направления действий государственных органов, должностных лиц по созданию базовых духовно-нравственных, культурно-просветительских, организационных условий развития информационного общества. Очевидно, что культивирование соответствующей духовно детерминированной социокультурной среды требует определенного времени, использования критери-

ев оценки такой среды и возможно измерения ее насыщенности истинными исторически сложившимися ценностями бытия человека, которые не должны по духу рассматриваемого документа быть утрачены.

Такой принцип, как обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях (подпункт «д» пункта 3), имеет значение в связи с увеличением роли информационного влияния на всех субъектов не только информационных, но и в целом общественных отношений. Несомненно, проблема защиты информации от постороннего доступа и нежелательного воздействия приобрела сегодня большое значение и получила широкое обсуждение среди ученых [8; 9]. Информация по своей сути безгранична, ее объемы могут структурироваться в определенных формах и быть востребованы в различные временные периоды, в различных пространствах и по различным поводам, как правовым, законным, так неправовым, незаконным. Кроме того, в данном принципе соединены требования как правового характера (законность), так и поведенческо-мотивационного требования, неопределенно обязывающего осуществлять сбор, накопление и распространение информации на основе разумной достаточности. Принцип законности содержится в статье 4 Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁵. Подчеркнем, что если законность как самостоятельный принцип права хорошо известен юридической доктрине, законодательству, юридической практике, то «разумная достаточность» как понятие должно быть законодательно, либо доктринально уточнено. Разумная достаточность лишь тогда имеет смысл, когда обладает конкретными критериями. Не обладая ими, данное требование не может быть использовано в качестве критерия при сборе, накоплении и распространении информации, которым следует руководствоваться всем субъектам информационных отношений.

Обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере как принцип обеспечивается законодательно определенной позицией государственных органов, обязанных строить свою деятельность на соблюдении Конституции РФ, прежде всего статей 2, 29 (частей 2 и 3), 45, а также пункта 7

⁵ См.: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Рос. газ. 2017. 31 июля.

статьи 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», гарантирующих неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. В разделе I Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 12.08.2017)⁶, закреплена необходимость совершенствования системы государственных гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере в качестве одного из основных направлений деятельности в сфере реализации данной программы.

Таким образом, в современных условиях формируется модель информационного общества, являюще-

гося условием становления общества знаний в России. Этот процесс требует концептуального осмысления и реализации в соответствии со стратегическими параметрами, отраженными в документах, посвященных информационному обществу, развитию информационного пространства России. Принципы такой модели имеют правовое значение, так как вне нормативного регулирования их осуществление представляется проблематичным, что нарушит основополагающие подходы к информационному развитию государства и общества. Правовое обеспечение реализации модели информационного общества, таким образом, наряду с другими факторами и условиями составляет основу информационного прогресса. Существует необходимость постоянного мониторинга нормативных правовых актов, актов правоприменения в области информационных отношений, реализации концептуальных и нормативных требований в соответствии с принципами развития информационного общества в России в условиях осуществления стратегических целей перехода к обществу знаний.

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 12.08.2017) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2159.

Литература

1. Атагимова Э.И. Некоторые аспекты законодательного уровня обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации / Э.И. Атагимова, И.М. Рамазагнова // Правовая информатика. 2014. № 2. С. 14–19.
2. Бачило И.Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности / И.Л. Бачило // Труды института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3 (55). С. 5–16.
3. Бачило И.Л. Право и закон: инфокоммуникативный аспект / И.Л. Бачило // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 37–48.
4. Минбалеев А.В. Принципы информационного права / А.В. Минбалеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2015. Т. 15. № 1. С. 7984. Серия : Право.
5. Полякова Т.А. Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности / Т.А. Полякова // Труды института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3 (55). С. 17–40.
6. Рыбаков О.Ю. Правовая информация как условие реализации современной российской правовой политики / О.Ю. Рыбаков // Журнал российского права. 2015. № 4 (220). С. 105–122.
7. Терещенко Л.К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 101–108.
8. Тихонова С.В. Теоретические проблемы специализации правовой политики в информационной сфере / С.В. Тихонова // Информационное право. 2015. № 2. С. 14–17.
9. Чубукова С.Г. О принципах информационного права / С.Г. Чубукова // Российское право в Интернете. 2003. № 3. С. 8.

Памятка авторам журнала «Юридическое образование и наука» по оформлению научных статей

Аннотация

Количество знаков — от **1300 до 2000**.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский язык самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Статья

ФИО автора, указать должность, ученую степень и звание, электронную почту — обязательно.

Не менее 10 страниц через 1,5 интервала (без учета аннотации), не более 20 страниц.

Не менее 3 ссылок, не более 9, исходя из текста статьи в 10 страниц. (Если статья больше 10 страниц, количество ссылок может быть увеличено.)

Ссылки и список литературы — в конце. Только монографии, научные статьи. В ссылках и списке литературы не указывать учебники и газетные публикации.

Ссылки и список литературы даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации — только в постраничные сноски.

**С пожеланиями творческих успехов и поиска научной истины,
главный редактор журнала «Юридическое образование и наука»
Игорь Михайлович Мацкевич**

